

Галина Полынская

Всё сразу, Симона!

РАССКАЗЫ

16+

Рассказы о необыкновенном

Галина Полинская
Всё сразу, Симона!

«Автор»

2020

Полынская Г.

Всё сразу, Симона! / Г. Полынская — «Автор»,
2020 — (Рассказы о необыкновенном)

ISBN 978-5-532-99447-8

«Всё сразу, Симона!» — сборник увлекательных и остроумных рассказов. Что будет, если менеджер среднего звена вызовет демона? Или в руки обычного человека попадет переписка путешественников во времени? Выживет ли парочка недолюбливающих друг друга туристов на инопланетном курорте с билетом в один конец? Книги Галины Полынской – это всегда непредсказуемые сюжеты и отличный юмор. Её произведения опубликованы в сериях фантастики крупных издательств, а также в журналах «Полдень, XXI век», «Искатель», «Наш современник», «Детективы СМ», «Cosmopolitan». Некоторые рассказы публикуются впервые.

ISBN 978-5-532-99447-8

© Полынская Г., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Зверёк	5
Разлом	10
Всё сразу, Симона!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Полынская

Всё сразу, Симона!

Зверёк

Мой отец работает на правительство, и я очень этим горжусь. А моя мама постоянно усыновляет всё новых и новых детей, чем, собственно говоря, я горжусь уже с трудом, потому как в нашем доме негде развернуться и все время шумно. Так как мама берет всех детей без разбору, у нас собралось более тридцати представителей разных цивилизаций: одни спят днем, другие ночью, третьи засыпают на пару недель, четвертые вообще никогда не спят, отчего под нашей крышей жизнь бьет ключом круглосуточно и круглогодично.

Отцу приходится работать в маленькой комнатке, переоборудованной в лабораторию из кладовой для солнечных батарей, потому что уединиться больше негде, а работа его требует кропотливости и сосредоточенности – он тестирует биоразработки на предмет их целесообразности. Раньше отец с утра до ночи пропадал в своем институте, но с увеличением количества детей пришлось брать работу на дом, чтобы хоть иногда помогать маме и делать вид, что держит ситуацию под контролем.

Мой единственный родной брат недавно добился разрешения покинуть нашу планету, указав в прошении, что к отъезду его побуждают несовместимые с жизнью противоречия в семье. Как только дали добро, он немедленно улетел, даже не забрав вещи. И пускай мне досталось от него немало ценного, всё равно жаль, что брат уехал так скоропалительно.

Брат частенько ассистировал отцу и мечтал самостоятельно провести опыт по выращиванию зверька из семечка, присланного корпорацией игрушек, решившей заняться и игрушками живыми – домашними животными. Наверняка получился бы красивый и полезный зверек, всем на зависть и удивление, доведи братишка дело до конца. А теперь забытый горшок с непороченным зверьком стоит на заднем дворе и никто им не интересуется.

Вообще-то я из дома уезжать не планировал, хотел обучаться делу отца, но случайно узнал, что набирают рабочий отряд на Землю и есть одно свободное место. Следующий шанс вырваться мог представиться не скоро, и в тот же вечер я улетел, прихватив немного личных вещей и горшок с семечком. Хотя вывозить любые биообразцы, включая грунт нашей планеты, категорически запрещено, я решил, что ничего страшного не произойдет – горшок маленький, его в моих вещах никто и не заметил.

В пути я украдкой доставал горшок и изучал инструкцию, выбитую на горшке: ежедневно поливать водой из разных источников. И больше ничего. Видимо, существо совсем неприхотливо.

На Земле нас распределили по трудовым пунктам. Я надеялся, что мне достанется занятие, связанное с биологией, например – собирать урожай, но меня отправили на скважину.

Когда-то давно, еще до череды экологических катастроф, на Земле водилась полезная жидкость – нефть. Однажды она кончилась, вместе с ней чуть не кончилась и вся цивилизация, но потом люди худо-бедно выправили ситуацию. А помогла им в этом другая полезная жидкость, образовавшаяся в радиоактивных болотах – последствиях экологических катастроф. Её назвали «нафть», но в быту люди именовали её исключительно «жижа».

Меня привезли на источник. Здесь располагались общий барак для местных рабочих и с десяток отдельных домишек для пришельцев, что было вернейше придумано. Уж кому как не мне знать о несомненном вреде проживания представителей различных цивилизаций под одной крышей.

Как заселился, я стал выяснять насчет разнообразия близлежащих источников воды. Плохо – скважина находилась в пустынной местности, зато эту проблему неожиданно решил обыкновенный кран на моей же кухне – несколько раз в день из него шла совершенно разная вода. Поставив горшок на подоконник, я снял защитную пленку с грунта и щедро полил его желтой водой, резко пахнущей железом.

Я приступил к работе. Кроме меня, в группе было трое пришельцев, остальные земляне – шесть человек. Команда подобралась хорошая, лишний раз старались друг с другом не общаться, просто делали свое дело – обслуживали насос, качающий зловонную жижу в резервуары, консервировали её и транспортировали.

Я исправно поливал грунт, внимательно его разглядывая – искал всходы. Почва поменяла цвет с серого на иссиня-черный и никакими другими изменениями радовать не торопилась.

Прогресс в горшке намечился в день, когда сломался насос. Ожидая ремонтную бригаду, группа расселась на чахлой траве вокруг скважины. Мы разговорились с бригадиром. Звали его Валера, я представился коротким именем – Мор. Валера спросил, что привело меня на Землю. Рассказывать, что сбежал из дома от избытка культур под одной крышей, выходило жалко, поэтому я изобразил страсть к приключениям. Валера считал, что работа на скважине – одно из самых паршивых приключений, которое только можно себе устроить. Я чуть не ответил: ты просто не бывал у меня дома, но вовремя спохватился и сказал, что мне безразлично, как потакать своим страстям.

Ремонтная бригада так и не приехала, мы разошлись. А дома на подоконнике меня ждал сюрприз: семечко взошло. Из грунта показались прозрачные усы и крошечный белый нос. Воодушевившись, я бросился к крану. Вода в этот день шла чистая, без запаха, и я вылил в горшок сразу два стакана.

Утром мы вновь собрались у скважины и стали ждать бригаду. Землянин Валера снова сел рядом со мной и завел беседу. Его интересовал мой возраст. Он так и спросил:

– Сколько тебе лет, парень?

Я ответил, что у нас возраст исчисляется не годами, а поступками, и я достаточно молод, но желаю стремительно расти.

Валера замолчал, уставившись куда-то в пространство, я терпеливо ждал, когда он заговорит снова. Валера мне нравился. У него было острое лицо и светлые волосы в песке и пыли, торчащие в разные стороны. Он походил на птицу, а птицам я симпатизировал.

К сожалению, больше мы не разговаривали, но я был рад и тому. А ремонтная бригада снова не приехала.

Дома я сразу бросился к подоконнику. Из грунта показалась мордочка: голая морщинистая кожа, слепые глазки. Усы набрали цвет, стали оранжевыми, а крошечный нос... дышал! Поливать пришлось с особой осторожностью, чтобы не попасть в малюсенькие ноздри. Я не знал, способна ли жидкость в носу нанести зверьку вред, но на всякий случай не стал рисковать.

Всю ночь я наблюдал, как мордочка растёт, поднимается из земли на поверхность, надеялся увидеть, как откроются глазки, но не дождался.

Утром как обычно пошел на скважину. Вовремя, кроме меня, пришел только бригадир Валера и двое пришельцев. Местные не торопились, наверное, надоело сидеть и смотреть на сломанный насос. Валера подошел ко мне, помолчал, сплюнул с нехорошим выражением лица и сказал:

– Связывался утром с ремонтной базой, спрашивал, где бригада. Сказали, что они к нам выехали, но по дороге свернули на другой объект – типа там поломка похуже нашей. Придется ждать, а сколько – неизвестно.

Я обрадовался, что Валера снова со мной заговорил. Третий раз общаемся – это уже практически дружба! Прежде мне не доводилось иметь друзей, не было на это времени и возможности, но я мечтал. И понятно, почему Валера выбрал именно меня, – остальные пришельцы

выглядели отталкивающе, свои, земляне, надоели, а я другой, но выгляжу почти так же, как Валера. Лишь с небольшими отличиями.

Валера переживал, что каждый день простоя скважины снижает наши заработки и велел расходиться. Я бы еще постоял и поговорил, но он пошел в барак.

Сюрприз, ожидавший меня дома, немало удивил. Горшок был пуст, грунт разрыт, а по подоконнику тянулись маленькие грязные следы. Как быстро всё произошло! Зверёк нашелся под кроватью, он сидел в полумраке и жевал мои ботинки. Я выманил его оттуда своим обедом и, пока он торопливо поглощал паек, хорошенько рассмотрел. Нос его вытянулся и стал похож на хоботок, открылись круглые желтые глаза, голое тельце местами покрывали шерстинки, местами чешуйки, местами перышки, кривые перепончатые лапы по бокам и раздвоенный хвост волочился по полу. Глядя, как он поглощает пищу, я пытался определить, что это такое проросло в конце концов, но не сумел. Назвал зверька Фофа в честь одного из маминых детей, – за то время, что он жил в нашем доме, я так и не смог понять, что он такое, – и стал думать, чем кормить своего питомца. Судя по тому, что он съел паек вместе с пластиковым боксом и принялся за ножку стола, Фофа был всеяден.

Рос он с чудовищной скоростью и уже к вечеру доходил мне до пояса. Опасаясь, что к утру Фофа сожрет весь дом вместе с крышей и мне негде будет жить, я отправился к скважине набрать травы – там она гуще росла. У насоса стоял мой друг Валера и пристально смотрел на аппарат, словно пытался починить его взглядом. Я начал рвать траву, и он спросил зачем.

Я ответил:

– Просто так. Просто мне нужна трава.

Валера пожал плечами и снова уставился на насос. Нарвав охапку, я подошел к нему, встал рядом и тоже стал смотреть на насос. Для дружбы хорошо, когда друзья занимаются общим делом. Валера покосился на меня и спросил:

– Зачем у тебя в каждом глазу по два зрачка, каков функционал?

Пришлось рассказать о капризном климате нашей планеты и ее непредсказуемом свете, которое может завалиться за горизонт и не показываться столько, сколько захочет. Поэтому одна пара зрачков у нас для светлого времени, а другая для темного, чтобы не зависеть от перепадов.

– Понятно, – сказал Валера. – А перепонки между пальцев?

Тут особо нечего было рассказывать. Дожди. Много дождей.

– Как вы там живете? – Не дожидаясь ответа, Валера отвернулся и пошел к своему бараку. Я смотрел ему в спину и грустил. Он всегда так неожиданно уходит.

Дома я обнаружил, что мой питомец значительно разросся за это короткое время. Чешуя и перья отвалились, нос вытянулся еще больше, а хвосты покрылись наростами. Фофа все время менялся, словно никак не мог определиться со своим видом. Я отдал ему сразу всю траву и, пока он пожирал стебли с громким чавканьем, раздумывал, как ним взаимодействовать, поддается ли он дрессуре? Хотя странно, что я вообще про это подумал, – плоские, круглые, пустые, как бумажные наклейки, глаза Фофы оставляли мало надежды на контакт.

Слопав траву, он упал на том же месте и захрапел. Воспользовавшись передышкой, я решил немного прибраться. Смахнул грязные следы с подоконника, затем вытряхнул грунт из горшка за окно, решив приспособить емкость подо что-нибудь полезное, в крайнем случае – скормить Фофе. Сполоснув горшок под краном, я заметил какой-то текст на внутренней стороне. Разрезав горшок, я развернул его и прочитал следующее: «Если вместо милой жужулины у вас получилось прорастить нестабильного мутанта, немедленно уничтожьте его любым доступным способом. После повторите попытку. Содержание неразвитых семян на один объем экспериментальной почвы – 4.200. Для ускорения опытного процесса рекомендуется равномерно распределить почву на открытом грунте и обеспечить регулярный полив. И у вас обязательно прорастет милая жужулина – любимец и радость для всей семьи».

То, что храпело посреди комнаты, мало напоминало милую жужулину. Это предлагалось уничтожить любым доступным способом, но разве так можно? Я же поливал, выращивал, ждал его появления, имя ему дал. Немного удивило, конечно, что такая полезная информация была помещена внутрь горшка, но что взять с опытного образца.

Стемнело. Я улегся на кровать, собираясь задремать, и вдруг вспомнил, что высыпал грунт за окно. И что всполоснул горшок под краном. Выходило, что экспериментальная почва равномерно распределилась по открытому грунту, еще и попала в водосток. С водостоком ничего уже нельзя было поделать, а почву я пообещал сам себе собрать утром всю, до последней крошки, и заснул.

Кто же знал, что ночью пойдет дождь. Местность-то на вид была засушливой. Открыв глаза, я увидел дыру вместо двери, питомец мой отсутствовал, и это напрочь перебило мысли о почве.

Выскочив из дома, я бросился на поиски Фофы. Долго искать не пришлось, он был на скважине. Насос валялся в стороне, а мой мутант завтракал жижей. Бригада в полном составе молча взидала на это явление с безопасного расстояния. Я тоже засмотрелся и не заметил, как подошел Валера. Он спросил:

– Что это за свинья с хоботом? И почему она такая огромная?

Я собирался сказать правду, даже раскрыл для этого рот, ведь между друзьями не должно быть секретов, но перед глазами возникли стены отчего дома и мигом пронеслась перспектива позорной депортации. Наверняка еще и оштрафуют. Кто же станет считать меня взрослым после такого поступка? И я ответил:

– Не имею представления!

– А траву ты не для него собирал? – Валера прищурил в подозрении глаза, но я заверил, что трава мне требовалась исключительно для собственных нужд.

Судя по звуку, Фофа дошел до дна скважины, всосал песка с камнями и решил размяться для улучшения пищеварения. Он стал бегать и прыгать, на глазах увеличиваясь в размерах. Затряслась земля, бригада бросилась врассыпную.

Когда Фофа напрыгался и умчался к горизонту, оставив за собой разрушенный в щепки барак, мы получили возможность подойти к скважине. В жерле было пусто, но Валера надеялся, что жижа опять наберется, и пошел искать в руинах барака рацию, чтобы связаться с ремонтной базой и доложить о новых проблемах.

Рация нашлась, но связаться по этому куску расплющенного железа уже не представлялось возможным. Очень злой Валера выстроил бригаду в шеренгу, велел пришельцам встать отдельной группой в хвосте, и заорал, разбрызгивая слюну на значительное расстояние:

– Чья скотина?! Кто привез скота на базу?! – После развернулся к нам. – Говорите, ну? Я все равно узнаю, лучше признавайтесь по-хорошему! Тварь не земного происхождения, это сделал кто-то из вас! Признавайтесь!

Мы молчали. Двое пришельцев молчали, потому что не виноваты, а я потому, что виноватым быть не хотел. Валера еще долго кричал и угрожал, но мы все равно молчали. А потом затряслась земля – Фофа возвращался, и все снова бросились врассыпную.

Пока мы носились по долине, стараясь не попасть под огромные лапы мутанта, пошел дождь и лил до самого вечера. К вечеру притомился и Фофа. Он свалился вдалеке серой горой и захрапел с силой взлетающего звездолета. К этому счастливому моменту не осталось ни одного целого дома. Измученные, грязные, насквозь промокшие, мы собрались на руинах барака и только хотели придумать, как нам жить, но не успели. Вокруг стало твориться нечто удивительное: всюду из-под земли полезли существа разнообразного вида. Я в оторопи смотрел по сторонам, удивляясь скорости процесса; видимо, семена попали в благодатную почву и полив был статочно обильным. Судя по количеству появившихся тварей, успешно возшло всё заявленное на горшке количество – 4.200. Мне было страсть как интересно, проросла ли милая жужулина,

но Валера сорвал с места всю бригаду, и мы понеслись к скважине, вернее, к накопительным резервуарам. Одна из таких гигантских пустых бочек с толстенными металлическими стенами и послужила нам убежищем. Забившись внутрь, мы наблюдали сквозь отверстие за бурной эволюцией в долине.

Дико вращая глазами, Валера клацал зубами, словно выкусывал у кого-то блох, затем прохрипел:

– Узнаю... узнаю, кто это сделал, и удавлю вот этими руками! – Подняв ладони, он растопырил пальцы – длинные, с костяшками, как круглые орехи, но я лишь улыбнулся. Нет, Валера не такой. Разве он сможет удавить своего лучшего друга? К тому же я обязательно выясню, проросла ли милая жужулина, а это наверняка случилось. Я найду ее, подарю Валере, и он смягчится.

В резервуаре мы просидели сутки. Невидимые лапы пинали и раскачивали бочку, невидимые зубы вгрызались в металл, в отверстия то и дело возникали морды одна другой диковиннее, но до нас мутанты добраться не пытались, из чего группа сделала утешительный вывод, что они хоть и всеядные, но такими, как мы, не питались.

К обеду следующего дня приехала ремонтная бригада. Прилети ремонтники на воздушном транспорте, вряд ли захотели бы приземляться, увидав с высоты, что творится в долине. Так что будем считать, нам повезло. Из транспорта показались люди, и во главе группы я увидел брата в форме бригадира. Он таранился по сторонам и шел на полусогнутых ногах, раскачиваясь, как трава на ветру. Со стороны могло показаться, что брат радостно танцует, но я-то знал, что в этом танце радость не присутствует. Брат всё понял, в этом у меня не было сомнений. Но он меня не выдаст, мы – родня, да и цели у нас одинаковые – держаться подальше от дома, хорошо зарабатывать, не платить штрафов и взростеть, совершая красивые правильные поступки. На этом пути желательно избегать досадных мелочей, способных всё испортить.

Никто, кроме Валеры, не видел, как я собирал траву. Никто, кроме него, меня не подозревал. Он сидел рядом, спиной ко мне, словно сам предлагал разрешить эту проблему наилучшим способом. Я оттянул ворот куртки, глубоко вдохнул и выпустил из кадыка гибкое тонкое жало. Один стремительный укол. Он даже ничего не почувствовал.

Жаль, конечно, что так получилось, но ничего не поделаешь, такая ситуация сложилась. Валеру я, конечно же, никогда не забуду, ведь это благодаря ему я узнал, как прекрасна дружба. Скорей бы выбраться отсюда и встретить нового друга. И вовсе не обязательно, чтобы он походил на птицу.

2019г.

Разлом

Чей-то голос отчетливо, громко произнес:

– Это здесь.

Прозвучал голос, как показалось, прямо над ухом, отчего Пономарев проснулся. Открыв глаза, он обвел взглядом комнату. Решив, что фраза – лишь остатки сна, он опустил было веки, как голос снова прозвучал:

– Точно здесь.

Пономарев открыл глаза и приподнялся на локтях. Телевизор был выключен, окно закрыто. Пока он сонно таращился по сторонам, голос произнес:

– Ты меня слышишь?

Как показалось Пономареву, голос прозвучал прямо у него в голове. Он судорожно сглотнул похмельную пивную горечь, схватился за виски и принялся ощупывать череп, словно ожидал найти пробоину.

– Если слышишь, скажи: я тебя слышу, – не унимался голос. Теперь у Пономарева не осталось сомнений – он звучал у него в голове.

Лихорадочно запрыгали мысли: что он вчера пил? Как обычно – пиво. Сойти с ума, схватить белую горячку от трех литров невозможно. Значит, что... значит, что... Его осенило:

– Я что-то проглотил, – пробормотал Пономарев, спрыгивая с кровати, – какой-то передатчик. Мобильник я же не мог проглотить? Он слишком большой, чтобы целиком...

Он бросился в ванную, согнулся над унитазом, намереваясь сунуть два пальца в рот, как голос произнес:

– Прекрати. Ничего ты не глотал.

Глядя вытаращенными глазами на воду в дырке унитаза, Пономарев шепотом поинтересовался:

– Тогда что это такое? Кого я слышу?

– Меня, – ответил голос. – Я транслирую тебе информацию прямо в мозг, безо всяких передатчиков.

Мужчина выпрямился, подошел к раковине и уставился на свое отражение в зеркальце навесного шкафчика, словно это помогло бы увидеть собеседника внутри него самого. Только он собирался задать вопрос, как голос опередил:

– Ты почему не уехал?

– Ку-ку-куда? – прокудахтал Пономарев, окончательно теряясь под взглядом собственных ошалелых глаз в зеркале.

– Разве ваш дом не должны были расселить?

– Должны, должны, – закивал лохматой головой мужчина, – почти всех и расселили, но мне всё вариант нормальный никак не предложат...

Он запнулся на секунду и воскликнул:

– Так вы из жилищной программы?! Вот так теперь давите на непокорных? Заработали, что ли, нанотехнологии?!

– Тихо! – приказал голос. – Не кричи. Все надо делать тихо. А то услышат.

– Кто? – не собирался, но почему-то сильно испугался Пономарев.

Голос не ответил. В наступившей тишине мужчина открыл кран, жадно напился и сполоснул лицо ледяной водой, надеясь, что наваждение отступит.

Спустя минуту он осторожно поинтересовался:

– Эй, вы тут?

– Тут, – ответил голос. – Думаю.

– О чем? Не то, чтобы я намеревался залезать в ваши мысли, просто хотелось бы понять, что происходит. А то, знаете ли...

– Прямо под вашим домом проходит глубинный тектонический разлом, – перебил голос. – Из-за него здесь время от времени могут происходить наложения реальностей. Не просто так, конечно, – для этого должно совпасть множество факторов...

– А, да-да! Чтобы Юпитер каким-нибудь раком встал в Сатурне или что-то в этом духе? Помолчав, голос произнес:

– Я не понял.

– Извините. В общем, факторы совпали, разлом разломился, реальности наслоились – дальше-то что делать? Конкретно мне?

– Сделай вид, что тебя нет дома.

– Теперь я не понял.

– Сейчас тебе позвонят в дверь. Не открывай.

– У меня звонка нет. – Пономарев перевел диковатый взгляд на дверь ванной и машинально захлопнул ее.

– Кого это остановит.

И тут действительно позвонили. Причем в дверь ванной комнаты. Услыхав премерзкую дребезжащую трель дверного звонка, точь-в-точь как тот, давно уже вырванный с корнем из прихожей, Пономарев прошептал, леденя:

– Что... что мне делать?

– Делай вид, что тебя нет дома.

На цыпочках мужчина шагнул к ванной, залез в неё и двумя пальцами, чтобы ни одно пластмассовое колечко не щелкнуло, задвинул старую, загаженную до непрозрачности занавеску. После встал в дальнем углу, прижался спиной к потрескавшемуся кафелю и замер.

Звонок трезвонил безостановочно, словно кто-то ткнул пальцем в кнопку и не отпускал её. Когда стихла душераздирающая трель, Пономарев хотел было перевести дух, как вдруг услышал – дверь открылась и чьи-то подошвы ботинок щелкнули о кафельный пол. Вжавшись в стену, мужчина перестал дышать, показалось – даже сердце остановилось.

Некто походил по ванной, остановился, и через занавеску Пономарев увидел палец. Палец приблизился к занавеске и постучал по ней. Мужчина только и успел подумать: до чего же это нелепо умереть в собственной ванной от сердечного приступа при таких странных обстоятельствах, как где-то в отдалении взвыла пожарная сирена. Подошвы торопливо прощелкали к выходу, дверь ванной захлопнулась. Долгих пару минут Пономарев не мог отлепить спину от кафеля, затем выдохнул и тихонько сполз вниз.

– Ушли? – поинтересовался голос в голове.

– Вроде да, – еле шевельнул непослушными губами Пономарев. – Кто приходил?

– Тебе лучше не знать. Но точно не из жилищной программы.

– Я уже понял. Что дальше делать?

– Выходи оттуда и одевайся.

Пономарев торопливо полез из ванной, запутался в занавеске, едва не упал, но с честью выстоял, напился воды и снова умылся, сунувшись под кран с макушкой. Торопливо вытерев полотенцем лицо, он распахнул дверь и еле удержался на ногах. Схватившись за ручку двери, мужчина балансировал на краю пропасти. Где-то далеко, внизу, в черных каменных разломах вскипала тугими нарывами и взрывалась ленивыми гейзерами багровая вулканическая лава.

– Помогите... – пробормотал Пономарев и захлопнул дверь.

Присев на бортик ванной, он подышал, успокаивая сердцебиение, и громко произнес вслух:

– Эй, вы тут?

– Да.

– Я не могу выйти!

– Почему?

– Там какой-то ад раскрылся! Я через него не перепрыгну!

– Ничего там нет! – Пономареву или показалось, или голос действительно прозвучал раздраженно. – Иди одевайся, времени мало!

– А вы там что, не можете посмотреть через меня, или как вы это делаете, на всю беду, что вокруг происходит?! – взвыл Пономарев, не желая притрагиваться к дверной ручке.

– Нет там ничего! – отрезал голос. – Иди одевайся!

– Хорошо! – Мужчина демонстративно покивал головой, встал и шагнул к двери. – Постарайтесь всё-таки посмотреть!

Схватившись одной рукой за стену, другой за раковину, он ударил в дверь ногой. Дверь распахнулась, и перед Пономаревым предстал темный коридорчик его квартиры.

Прыжками мужчина влетел в комнату и заметался, выхватывая из разбросанных вещей джинсы, майку, носки...

Он уже обулся и наматывал на всякий случай шарф поверх зимней куртки, когда голос дал о себе знать:

– Сколько ещё в доме людей?

– Кроме меня? – уточнил Пономарев.

– Разумеется!

– Еще двое. Только вы, бога ради, не бросайте меня, я вас умоляю! – едва ли не плаксиво произнес Пономарев и потянулся за шапкой. – Не меняйте меня на них!

– Не поменяю, – удрученно произнес голос. – Я пытался до кого-то еще достучаться в этом доме, но только с твоим мозгом получилось.

Пономарев опустил руку, и шапка выскользнула из пальцев. Расправив плечи, он улыбнулся. Глядя на остатки проводов звонка, некогда жившего над дверным проемом, мужчина проговорил, чеканя каждое слово:

– А чего вы хотели от потомственного алкоголика Зиновьева и чокнутой бабки? Какой такой мозг вы там собирались отыскать? То ли дело я – литератор, сценарист! И рисовать, между прочим, неплохо умею! А если меня заставить, то и музыку сыграю! А вы там, прямо, ну я не знаю, придумали тоже какую-то ерунду! Мозги там у кого-то ищет он! Повеселил, правда.

– Не хочешь спросить, что делать дальше?

– Мне-то? – Пономарев принялся разматывать шарф. – Да всё нормально со мной будет, не беспокойтесь, уважаемый!

– Оповести своих соседей. Они должны одеться, покинуть свои жилища и находиться на расстоянии не меньше двух километров от зоны разлома в течение минимум четырех часов. Затем пересечение реальностей закроется, и вы сможете вернуться в свой дом.

– Кого я должен оповещать? – Пономарев расстегнул куртку. – Старую ведьму с Зиновьевым? Да они даже не заметят ничего. В их реальности ничего не поменяется. Кстати, мы так толком и не представились. Меня зовут Алексей Юрьевич, а вас?

Голос промолчал. Пономарев подождал минуту-другую, избавился от жаркой куртки, повесил ее на крючок и поискал по карманам сигареты.

– Эй, вы тут?

Голос молчал. Пономарев натряс по карманам мелочи и решил сходить за пивом. В конце концов, этим утром он заслужил немного успокоительного.

– Слышь, ты! – обратился он к темному пространству прихожей. – Как понадоблюсь – знаешь, где искать мой мозг! А там уже рассмотрим варианты сотрудничества!

Взяв ключи, Пономарев открыл входную дверь и рухнул со скалы в ленивые протуберанцы кипящей лавы на далеких черных камнях.

2019г.

Всё сразу, Симона!

Второй час Павла Антоновича мучил нервный тик большого пальца правой руки, что страшно раздражало. Из-за взбесившегося пальца он не мог толком собраться с мыслями и посредством мозгового штурма изобрести, наконец, какую-нибудь выдающуюся развлекательную программу для Ларисы. Ларисы Григорьевны... Да ладно там, уже просто Ларисы, зря, что ли, полтора месяца изображал из себя влюбленного идиота? Конфеты, букеты, всякая ерундистика... Хотел даже пригласить покататься на теплоходе по Москве-реке, но в последний момент передумал, опасаясь, что она может согласиться. Кабинетную тишину нарушал назойливый шелест воды в пластмассовом фонтанчике с пароувлажителем – эти дурацкие фонтанчики волей гендиректора понатыкали во все кабинеты и офисы в целях оздоровления микроклимата.

Палец все дергался и дергался, и ничего путёвого на ум не приходило, кроме каких-то стандартных вариантов, но тут стандартом не обойтись. Госпожа Лагутина – дама всевозможными развлечениями утомленная, ее требовалось удивить, закрепить, так сказать, достигнутый результат. Павел Антонович вспомнил, как три дня назад старательно поил ее весь вечер в ресторане сначала шампанским, потом коньяком, как потом вез в заранее заказанный гостиничный люкс, как мучительно изображал юношескую страсть, опасаясь выпить лишнюю рюмку во избежание осечки... А она все молола и молола какую-то игривую чушь, зачем-то войдя в роль стареющей проститутки. Вспомнил, поморщился и взялся за большой палец, будто хотел его оторвать. Без стука распахнулась дверь, и в кабинет ввалился генеральный. Судя по развеселому виду и красноватому цвету лица, свой рабочий день он уже закончил.

– Что, Антоныч, хмурый такой, нерадостный?

– Да вот, всё думаю, – нехотя ответил Антоныч, – чем Лагутину подивить.

– Свози ее куда-нибудь на недельку, – сходу предложил генеральный. – В заморские края.

– Даже не знаю... – промямлил Павел.

– Гляжу, раскис ты, Паша, раскис. – Гендир развалился на стуле. – И чего раскис, не понимаю? Лариска красивая баба, в самом соку, я бы сам не прочь с такой покувыркаться, да вот только ты у нас самый подходящий кандидат: видный мужик, да еще и неженатый, для сорокалетней разведенки – слиток золотой. Быстро она на тебя клюнула, все как по писаному вышло. А дальше подсекай да вытаскивай рыбку! – Генеральный ударил в ладони и довольно хмыкнул. – Так что вези ее под пальмы, чтоб как следует размякла.

Перед глазами Павла возникли круглые белые груди, втиснутые в черный, сплошь кружевной бюстгальтер, и он тоскливо поморщился.

– Надо, Паша, надо, – заметил его гримасу генеральный. – Нам кровь из носу нужна эта компания. Если Лагутина сольет нам акции, мы без труда их сожрем. Ты уж постарайся, обработай бабенку хорошенько.

– Стараюсь, – вздохнул Павел. – В заморские края, говоришь? Ладно, будут края... заморские. Надо такое место выбрать, где наши земляки табунами не пасутся, а то всю романтику перепортят вместе с настроением. Вот только где ж такое место отыскать?

– Есть одна хорошая турфирма. – Генеральный полез во внутренний карман пиджака и вытащил визитку. – Вот возьми, сходи, они там точно подберут интересный вариант. В средствах не жмись, бери все самое лучшее, понял? Фирма платит.

На мобильнике высветился восьмой пропущенный вызов – Лика названивала все утро, но Павел не отвечал: некогда, да и не было настроения объяснять, куда он так надолго пропал, почему полмесяца не появлялся, не разлюбил ли, не завел ли другую женщину. Он ехал

в туристическую фирму, рекомендованную генеральным. Называлось агентство путешествий «Вавилон» и находилось у черта на куличках, на окраине Москвы.

Припарковавшись у четырехэтажного здания, напичканного всевозможными офисами и магазинами, Павел зачем-то внимательно изучил вывеску турфирмы и только потом вылез из машины. Поднявшись на второй этаж, потянул на себя дверь с красочной табличкой с названием и изображением Вавилонской башни. Переступив порог, он окунулся в упругую кондиционированную прохладу просторного холла с приглушенным освещением и четырьмя аквариумами литров на триста, мягкими синими креслами с оригинальными, но какими-то слишком уж тонкими серебристыми ножками и тихой классической музыкой, казалось, льющейся с потолка.

– Добрый день.

Павлу почудилось, что женский голос, произнесший эти слова, прозвучал как маленький колокол: ди-и-нь-до-о-он... Не колокольчик, нет, а коло... .

– Рады приветствовать вас в нашем туристическом агентстве. – Павел смотрел на стоящую прямо перед ним русалочьего облика женщину... девушку... нет, все-таки женщину... да черт бы с ней! – девушку, и не понимал, откуда она взялась. – Вы сделали правильный выбор и не разочаруетесь в нашем меню путешествий.

Павлу Антоновичу надо было что-то отвечать, но он все смотрел на нее и молчал. Тонкое, почти прозрачное, как океанская перламутровая раковина, лицо, чистые глаза цвета лаванды и легкие светлые кудри, слетающие на плечи...

– Уверена, вы пришли за чем-то необычным? – Нежно-розовые губы аквариумной девушки тронула улыбка.

– Да, – откашлялся Павел Антонович, усилием воли высвобождаясь из плена подводного царства. – Мне действительно нужно нечто нестандартное, неизбитое, не...

– Я так и поняла, – улыбнулась «русалка». – Меня зовут Симона. Прошу, идите со мной.

Следуя за Симоной, Павел Антонович рассматривал царственно машущих плавниками здоровенных рыбин и почему-то думал: съедобные они или нет? Девушка проводила его в небольшой офисный кабинет безо всяких рыбьих прикрас и мелодично прозвенела маленьким колоколом:

– Герман Львович, к вам посетитель.

– Спасибо, Симона, – серебристым гонгом прозвучал ответ.

За светлым офисным столом с ониксовым пресс-папье и маленьким сувенирным глобусом сидел худощавый черноволосый господин в белоснежной рубашке. В первое мгновение Павлу показалось, что глаза Германа Львовича светятся, но, приглядевшись, он понял, что они просто чрезвычайно ярко-голубого цвета, отчего и создавалась такая иллюзия. Герман Львович выразил радость от встречи с Павлом Антоновичем и предложил присесть. Стул-кресло на тонкой изогнутой серебристой ножке оказалось удивительно комфортным. «Наверное, ортопедическая модель», – подумал Павел и захотел курить.

– Итак, чем наше агентство может вас удивить? – Сцепив пальцы в замок, Герман Львович заинтересованно уставился на посетителя.

– Мне нужен какой-нибудь необычный тур на двоих, – промямлил он, отчего-то с трудом подбирая слова под взглядом этих ярко-голубых глаз. – Что-нибудь экстраординарное, экзотическое...

– Вас понял, – закивал Герман Львович. – Желаете произвести впечатление на даму или это скорее деловая поездка?

– И то и другое, – вздохнул Павел и добавил: – Деньги значения не имеют, главное, чтобы путешествие получилось незабываемым.

– О, вы, несомненно, обратились по адресу! – открыто, белозубо улыбнулся Герман Львович. – То, что предлагаем мы, не способно предоставить никакое другое туристическое агент-

ство. Мы специализируемся на экзотических турах, на невероятных впечатлениях! Хочу предупредить вас сразу: забудьте всё, что вы знали раньше о туристических фирмах, у нас все по-другому, иная схема, другие результаты!

На мгновение Павлу Антоновичу показалось, что он стоит в стороне и видит собственную унылую морду, на которой он сам же тщетно пытается изобразить мало-мальски заинтересованное грядущим путешествием выражение, и горящие азартом глаза Германа Львовича, наблюдающего эти тщетные усилия.

– ... и ваши незабываемые приключения могут начаться прямо сейчас!

От этих слов Павел очнулся.

– Как это?

– Если вы действительно хотите нечто особенное, вы должны полностью довериться и, по возможности, не задавать вопросов.

Герман улыбнулся такой открытой, светлой улыбкой, что Павел насторожился еще сильнее. Какое тут может быть доверие без вопросов? Это туристическая фирма или духовная семинария?

– Вы же не с улицы к нам пришли, а по рекомендации, верно? – В любом другом случае такая фонтанирующая жизнерадостным обаянием улыбка разозлила бы ставшего слишком нервным и дерганым в последнее время Павла, но в данном случае зубоскальство Германа почему-то даже раздражения не вызвало. – Вы действительно настроены на эксклюзивную экзотику?

– Настроен, – вынужден был ответить Павел. – Ладно, хорошо, времени у меня не много. Давайте мне всё и сразу по самому смелому тарифу.

Острое лицо Германа расцветилось сдержанной красой северного сияния. Элегантно ткнув мизинцем кнопку селекторной связи, он вызвал в кабинет «русалку».

– Да, Герман Львович, – незамедлительно возникла на пороге она, словно стояла и дожидалась вызова прямо за дверью.

– Подготовьте договор, Симона! – весело скомандовало начальство.

– Какой именно вариант?

– Как можно задавать подобные вопросы? Взгляните на нашего уважаемого клиента! Разве такой человек приемлет мелочи и полутона? Всё сразу, Симона, только всё и сразу!

Пока подписывался договор, Павел отчетливо ощущал тонко-тревожный запах речной воды на рассвете, исходящий от Симоны, и кошмарно депрессивный запах талого снега от Германа, который не заглушал даже густой сандаловый парфюм. Павел торопливо расставил свои подписи-закорючки на, как показалось, стостраничном договоре и не без удовольствия выпил поднесенную Симоной микроскопическую чашечку кофе с крошечной рюмочкой удивительного на вкус и крепость бальзама.

По завершении всех формальностей Герман сообщил, что «незабываемые приключения» начинаются завтра ровно в полдень и что к контракту прилагаются подробные инструкции, коим Павлу и его даме надлежит неукоснительно следовать.

– Завтра?! – ужаснулся Павел. – Как же так? Нам же собраться еще надо.

– Вам практически ничего не понадобится, вы едете налегке, в стоимость тура входит полное обеспечение всем необходимым. – Ноздри Павла резанул ставший уже практически невыносимым запах талого снега. – Четко и неукоснительно следуйте инструкции. Если не станете придерживаться всех пунктов, наша фирма оставляет за собой право расторгнуть договор в одностороннем порядке и снять с себя всякую ответственность.

Расслабившийся было Павел очнулся и вдруг осознал, что договора-то он толком и не прочел! Просто подписал, не читая! Такого с ним еще ни разу не случалось за всю сознательную жизнь! Его широкий лоб даже испариной покрылся от непонимания произошедшего, и Павел взялся с запоздалой торопливостью листать страницы.

– Двести тысяч евро за семь дней?! – неожиданно сам для себя фальцетом воскликнул Павел.

Герман Львович утвердительно закивал.

– Минуту.

Павел выскочил в приемную с аквариумами, убедился, что Симоны поблизости не наблюдается, и набрал номер гендира.

– Ничего страшного, – ответил генеральный, услышав нереальную цифру. – В предполагаемую сумму укладываемся, еще и на карман тебе кое-что остается. Подписывай.

– Уже подписал... – растерянно пробормотал Павел.

– Сначала подписал, а после прочитал? – хохотнул гендир. – Ой, стареешь, Паша, стареешь!

В легкой озадаченности вернулся Павел Антонович в кабинет Германа.

– В общем, прямо завтра и в полдень? – отчего-то сухо уточнил он.

– Да-да-да-да.

Попрощавшись, Павел взял толстую пачку договора и покинул стены туристической фирмы «Вавилон». Открыв машину, он бросил на заднее сидение договорной «кирпич», сел за руль и позвонил Лагутиной.

– Дорогушенька, у меня для тебя есть сюрприз! – замирая от отвращения к самому себе, масляным тоном произнес он. – Прямо завтра мы с тобой отправляемся в незабываемое путешествие! Куда? О, этого я не могу тебе сказать, а то сюрприза не получится! Давай встретимся сегодня где-нибудь и обсудим детали. Да, да, перезвони, да, да, буду ждать, ага, целую.

Встретиться договорились в ресторанчике на Пушкинской площади. Госпожа Лагутина основательно опоздала, но Павла Антоновича этот факт не расстроил, он размышлял на отвлеченные темы, а именно: как же его угораздило безо всяких уговоров выпить предложенный алкогольный «наперсток», будучи за рулем? Ведь до этого он никогда, ни при каких обстоятельствах не позволял себе даже глотка пива, если вёл машину. Это был его четкий, неукоснительный принцип. И так глубоко задумался Павел над свершившейся невероятностью, что и не заметил подошедшую к столику Ларису.

– День добрый, Павел Антонович, – кокетливо улыбнулась она. – У меня есть целых полчаса на все ваши сюрпризы.

Павел выдавил ответную улыбку, потер переносицу, собираясь с мыслями, и озвучил планы на завтрашний полдень. По мере изложения лицо Ларисы становилось все более заинтересованным, а под конец – озадаченным.

– И сколько же стоит это странное путешествие?

Павел назвал цифру.

– Сколько?! – На ее громкий возглас обернулась пара посетителей за соседним столиком. – Да ты рехнулся!

– Хотел устроить для тебя нечто незабываемое. – На этот раз улыбка получилась значительно лучше. – Если хочешь чего-то действительно необычного, принимай правила игры. В случае четкого выполнения инструкций, они обещают отработать каждый евроцент.

– За такие бабки они должны нам еще и весь спектр сексуальных услуг оказать! – Со злым лицом Лагутина пощелкала зажигалкой, пытаясь прикурить. Павел заботливо поднес ей огонек. – Куда хоть едем-то?

Павел так и замер с зажигалкой в протянутой руке. Тоненькая сигаретка повисла в уголке приоткрытого рта Лагутиной и каким-то чудом не упала.

– Ты что, не знаешь, куда мы едем?..

– Да вот как-то не спросил. – Губы Павла сами собой расплзлись в глупой улыбке. – Сюрприз ведь.

– Где договор?! – рявкнула Лагутина, швыряя сигарету в пепельницу. – Только не смей говорить, что ты и договора никакого не заключал!

– Нет-нет, – Павел никак не мог прогнать с лица дурацкую улыбку, напротив, она расплзалась все шире, расцветала ярче, – заключал.

– Где он?! – Лицо Лагутиной побелело, а шея почему-то стала красной.

– В машине.

– Идем!

Павел едва успел бросить на скатерть деньги за выпитый им кофе, как Лагутина чуть ли не силком вытащила мужчину из-за стола и поспешила к выходу.

Вскоре Павел Антонович уже сидел, уронив руки на руль, и с улыбкой смотрел в лобовое стекло, слушая нервный хруст страниц – госпожа Лагутина изучала договор. На инструкции она остановилась.

– Что это еще такое: «Возьмите с собой одну максимально удобную именно для ваших ног пару обуви, два наиболее комфортных лично для вас комплекта одежды, две пары нижнего белья. Общий вес личных предметов и предметов гигиены не должен превышать пятьсот граммов. Общий вес вещей не должен превышать четырех килограммов». Куда мы, черт побери, едем?!

– А там нигде не написано? – Павел едва не расхохотался, ощущая, как его всего наполняет какое-то светлое, радостное, почти детское ощущение полного идиотизма происходящего. Он никак, совсем никак не мог понять, как же это все вообще могло произойти? Да еще и за двести тысяч евро! «Этому Герману с его лягушкой-царевной памятник поставить надо», – подумал он, и улыбка заполнила все его лицо без остатка.

– Здесь сказано, что пункт назначения мы узнаем по прибытию, – уже не зло, а растерянно произнесла Лагутина. – Нам следует явиться завтра ровно в полдень по адресу: Большой Дохлокошкинский переулок, строение восемь, комната четыре...

И тут Павел расхохотался во все горло. Большой Дохлокошкинский переулок стал для него последней каплей.

– Как считаешь, еще не поздно забрать деньги? – Лагутина чуть не плакала от горя и жадности.

– Зачем? – отсмеявшись, он вытер слезы. – Мы хотим путешествие, и мы его получим.

Рывком расстегнув молнию сумочки, Лагутина достала мобильник.

– Петя! – крикнула она в трубку. – Пробей, существует ли адрес: Большой Дохлокошкинский переулок, дом... Тьфу! Строение восемь! Давай, жду! Звони!

Петя перезвонил буквально через две минуты и подтвердил существование адреса. Лагутина, помолчав, вздохнула:

– Ну, ладно. Попробуем, поедem, посмотрим. Хоть какие-то накладки возникнут, они у меня там все раком встанут!

Уж в чем, в чем, а в этом Павел не сомневался.

Ровно без пяти минут двенадцать (в договоре четко был прописан пункт о недопустимости опоздания) они стояли у входа в строение номер восемь в Дохлокошкинском переулке. Здание оказалось трехэтажным старым особняком. Но хоть оно и выглядело годным исключительно под снос, тем не менее имело собственную охраняемую автостоянку. Павел опустил стекло, глядя на подошедшего охранника, одетого почему-то в черно-желтый камуфляж.

– Павел Антонович Зеленцов и Лариса Григорьевна Лагутина?

Павел согласно закивал, Лагутина в очередной раз нервно щелкнула зажигалкой, прикуривая.

– Вы сами желаете поставить автомобиль на стоянку или доверите мне?

– Доверим вам.

Павел забрал вещи, они покинули салон и направились к единственному входу в здание. Лариса собиралась что-то сказать, когда Павел взялся за металлическую ручку, но не успела, потому что, открыв дверь, Павел Антонович нос к носу столкнулся со стоявшей буквально на пороге полной молодой женщиной и даже ойкнул от неожиданности.

– Здравствуйте! – радостно произнесла она красивым мелодичным голосом. – Спасибо за пунктуальность! Меня зовут Зарета Бринзевич, я ваш личный менеджер. Прошу вас, следуйте за мной.

Павел окинул взглядом ее выдающиеся формы, обтянутые кислотно-зеленой майкой и голубыми джинсами, и переступил порог.

– А как нас отсюда в аэропорт повезут? На автобусе, что ли? – Лагутина брезгливо осматривала лестницу, по которой они поднимались на второй этаж.

– Зачем же! – звонко расхохоталась Зарета, и Павел в который раз отчетливо ощутил запах речной воды. – Не беспокойтесь, все будет хорошо и комфортабельно!

Под ногами поскрипывал пол, покрытый темно-коричневым растрескавшимся линолеумом, по обе стороны проплывали желтые двери с темными номерными табличками. Дойдя почти до конца коридора, менеджер Зарета остановилась у двери с номером 16-V. Приоткрыв дверь, она заглянула внутрь и спросила:

– Можем входить?

Что ей там ответили, Павел не расслышал, но Зарета приглашающе распахнула дверь, и туристы вошли в помещение, отчего-то напоминающее врачебный кабинет. Павел и сам себе не смог бы объяснить, отчего на ум пришло именно такое сравнение, если в бледно-зеленом помещении, кроме пары кожаных кресел, небольшого овального столика с пустой стеклянной вазочкой и стоявшей на полу вдоль стены аппаратурой непонятного назначения, не было больше ничего. Ни намек на медицину.

– Я сейчас. – Зарета направилась к противоположной двери. – Располагайтесь, будьте любезны.

Когда она скрылась из вида, Лагутина тихо, почти жалобно шепнула Павлу на ухо:

– Паша, давай уйдем отсюда. К черту деньги...

– Да все будет хорошо. – Мужчина подумал и добавил глуповато: – Они же обещали.

А дальше стало еще интереснее. Отворилась дверь, выпуская Зарету в компании высокого статного господина в идеально скроенном черном костюме. Господин представился Аркадием, ослепил улыбкой и предложил поставить багаж на один из приборов у стены, а самим поочередно встать на соседствующий. «Так это весы, что ли, такие?» – мысленно удивился Павел, ставя чемоданы с небольшой дорожной сумкой на темную, похоже, стеклянную поверхность. Окончательно впавшая в транс Лариса сбросила туфли, послушно встала на антрацитово-черный прямоугольник. К счастью, вес багажа и пассажиров оказался в пределах допустимой нормы.

Затем туристов с вещами проводили в соседнее помещение. Переступив порог, Павел Антонович от неожиданности встал столбом, и на него по инерции налетела Лариса. В бело-снежном с пола до потолка зале весьма приличных размеров не было никаких других предметов, кроме гладкого, песочно-желтого пирамидального сооружения, монолитного на вид. И только подойдя ближе, Павел увидел, что оно состоит из плотно пригнанных друг к другу, отливающих глянцем блоков. Высотой сооружение было метра три, не меньше, и около пяти в длину.

– Господа, это, конечно, все очень увлекательно, – он подошел к пирамиде и похлопал ладонью по поверхности, – но не пора ли заканчивать Диснейленд? Честное слово, мы оценили ваши старания. Давайте двигать в аэропорт?

На ощупь сооружение оказалось горячим и странным образом пружинило, словно отталкивало руку.

– Вы уже в нём, – лукаво подмигнула Зарета.

– Еще одну минуточку терпения, – сверкнул улыбкой Аркадий.

Он держал приспособление, напоминающее портативную клавиатуру для карманного компьютера, с той разницей, что вместо кнопок поблескивали плоские стеклянные квадратики. Аркадий легонько коснулся пары стекляшек, и блоки центральной части пирамиды стали выдвигаться в шахматном порядке, образуя замысловатый проход. Изнутри ударил яркий белый свет.

– Прошу вас, проходите, – гостеприимно взмахнула рукой Зарета.

– Детский сад, штаны на лямках, – покачал головой Павел, перебрасывая через плечо ремень сумки и подхватывая чемодан Лагутиной.

Внутри в два ряда размещались четыре кресла, один в один напоминающие стоматологические, только ламп и плевательниц не хватало. Зарета с Аркадием заботливо усадили туристов на соседствующие места, к боковинам кресел прикрепили чемоданы и занялись пристегиванием пассажиров. Против обычного самолетного ремня на поясе Павел ничего не имел, но когда второй ремень плотно обхватил грудь, а третий ноги, чуть пониже колен, задал пару вопросов.

– Не беспокойтесь, это просто небольшая мера предосторожности, – сказал Аркадий.

Откуда-то сбоку выдвинулись узкие столики с набором утопленных в пластиковые ячейки пластмассовых бутылочек, упаковкой влажных салфеток и стопкой коричневых гигиенических пакетов для известных тошнотно-желудочных надобностей. Окинув взглядом свой столик-поднос, Лариса спросила слегка охрипшим голосом:

– Что в этих бутылках?

– Прохладительные и слабоалкогольные напитки, – ответила Зарета. И добавила: – Чтобы не заскучать в пути.

Глаза Лагутиной вспыхнули недобрым огнем, и ее прорвало:

– Вы что, издеваетесь, в самом-то деле?! За такие бабки у вас чересчур дешевая программа! Могли бы нанять хоть каких-то аниматоров и поставить шампанское! Все, Паша, хватит! Ты как хочешь, а я ухожу!

Она сделала попытку подняться, но ремни не пустили.

– Ты как хочешь, а лично я еду. – Сложив руки на груди, Павел устроил поудобнее затылок на твердом подголовнике. – Когда стартуем?

– Куда, Паша?! Куда ты нафиг едешь? Ну-ка, расстегните эту хренотень немедленно!

– Успокойтесь, пожалуйста, – мягко произнес Аркадий. – Старт прямо сейчас. Сначала может немного покачивать – это из-за турбулентности пространства.

– Да, конечно, понятно, – закивал Павел, сдерживая смех. – Ничего, как-нибудь переживем.

– Приятного путешествия и незабываемых впечатлений!

С этими словами Зарета с Аркадием вышли, и центральные блоки в том же шахматном порядке стали возвращаться на свои места, закрывая вход.

– Паш, ну на кой черт ты всю эту дурь устроил?! – процедила Лариса, поочередно пробуя отвинтить крышки у бутылочек. – Хоть бы этикетки наклепили, что ли, жлобы!

– Ладно тебе, развлекайся. – Павла Антоновича так забавляло происходящее, что он даже вышел из роли страстно влюбленного, и желание возвращаться в образ начисто отсутствовало. – Давай откרו.

Лариса выбрала бутылочку изумрудно-зеленого цвета и бросила Павлу. Отвинтив металлическую крышку, он сначала понюхал содержимое, затем протянул ей.

– Что там за дрянь?

– Не знаю, пахнет дыней.

Лариса глотнула и закашлялась.

- Боже, похоже, тут сладкая водка! Да еще и какая-то ментоловая! Ну и гадость!
- Дыней же пахнет.
- Ментолом, говорю тебе!

В эту секунду свет погас, и в наступившей непроницаемой тьме прозвучал голос Павла:

- Нет, дыней.

Тишина абсолютная, полнейшая тишина, возникшая вслед за тьмой, походила на мгновенное подавление всех пяти чувств, словно нечто огромное навалилось сверху. И тяжесть эта была столь ощутима физически, что Павел невольно втянул голову в плечи, даже руки инстинктивно дернулись, желая защитить лицо, как от удара. А потом из глубинно тихой тьмы стал нарастать утробный гул. Он вызревал, как огромный тугой нарыв, готовясь взорваться на могучем своем пределе. Гул, стремительно переходящий в рёв, казалось, заполнил собою каждую клетку, каждый волос заставил приподняться... И тут Павел вдруг вспомнил свою юность. Атракционы парка «Сорок лет Октября» с садистской каруселью «Сюрприз», где в огромный круг становились люди, и эта злобная фигня по принципу центрифуги начинала раскручиваться. Чтобы не осрамиться перед своей девушкой, он стиснул зубы и считал секунды до того момента, как эта чертова штука остановится. Когда и как закончилось увеселительное мероприятие, Павел плохо помнил. Хорошо ему стало только после того, как доплелся на непослушных ногах до ближайших кустов и с надрывом облегчил душу. Тогда-то Паша и понял, что ни летчиком, ни космонавтом, ни вообще героем ему не бывать. Этот аттракцион он вспоминал до самой армии, а потом другие, более острые ощущения заслонили гнусное колесо детства и отрочества. Но вот сейчас ощущения были настолько похожими, что перед глазами даже вспыхнуло давно стертое из памяти лицо девушки, с которой полез кататься... Он даже вспомнил, как ее звали.

- Аааа! – послышался сдавленный крик Ларисы. – Ооооой!

Но тут аттракцион «Сюрприз» прекратился, да так внезапно, что Павлу Антоновичу показалось, будто он приподнялся и воспарил над креслом, невзирая на привязные ремни. И только он хотел удивиться ощущениям, как на глаза попалась изумрудно-зеленая бутылочка с дынно-ментоловым напитком. Она парила, рассыпая из открытого горлышка аккуратные желтоватые шарики. Не успел Павел толком рассмотреть это явление, как по барабанным перепонкам ударила тугая звуковая волна. Бутылочка упала в проход между креслами, а шарики благополучно хлынули на штаны. Через мгновение вспыхнул свет.

– Твою мать! – надрывно откашлялась Лариса. – Теперь они точно от суда не отвертятся, сволочи!

– Ты видала, какая имитация невесомости была? – Павел дотянулся и поднял пустую бутылочку. – Сколько ж они на это потратили, интересно?

– А удовольствие-то в чем?! Меня чуть не вывернуло! – Лариса безуспешно пыталась освободиться от ремней, дергая крепления дрожащими пальцами.

- Полагаю, всё удовольствие еще впереди.

И это было очень точно сказано. Часть стены начала бесшумно расходиться в том же шахматном порядке. Обездвиженным пассажирам оставалось лишь щуриться от яркого света, в попытках что-нибудь рассмотреть в открывающемся темном провале. Послышался чеканно-четкий звук приближающихся шагов, но идущего пока рассмотреть не получалось.

- Паша, мне страшно... – едва слышно прошелестела Лариса.

– Успокойся, это всего-навсего аттракцион. – И крикнул: – Эй! Уважаемые! Мы приехали или дальше еще едем?

– Уже приехали, – ответил приятный, чуть ироничный мужской баритон. – Добро пожаловать на курорт Альвагоса Мальвинию. Меня зовут Эдар, и я...

- Наш личный менеджер? – нервно хихикнула Лариса.

- Нет, я полномочный представитель транспортно-туристической компании «Альва».

Из потока ослепительного света вышел седовласый мужчина неопределенного возраста. Его по-юношески стройную, можно сказать, спортивную фигуру выгодно подчеркивал темно-серый костюм с неувлимым голубовато-жемчужным отливом. Павел Антонович, как преданный приверженец классического, консервативного стиля в одежде, в чьем гардеробе насчитывалось почти тридцать костюмов на все случаи жизни, заинтересовался в первую очередь фантастическим цветом и великолепным кроем, а Ларису заинтересовал возраст полномочного представителя. Загорелое лицо с резковатыми чертами киногероя и серыми... нет, скорее, даже серебряными глазами не могли оставить женщину равнодушной.

Пока туристы разглядывали его персону, Эдар расстегнул крепления ремней и фиксаторы багажа. Обретя свободу движения, Павел поднялся с кресла и первым делом зачем-то сгреб бутылочки со своего столика и сунул в боковой карман дорожной сумки. Взяв свою сумку и чемодан Лагутиной, он первым последовал за Эдаром к выходу.

Против всех ожиданий, вышли они не в помещение со столиком и креслами и даже не в коридор с молчаливыми рядами пронумерованных дверей, а... на высокие каменные ступени широченной лестницы, ведущей вниз. В темноте щедро сверкала далекая россыпь городских огней – это первое, на чем зафиксировался взгляд Павла Антоновича. Затем взгляд переместился на аллею, к которой уходили лестничные ступени. Дорога, усыпанная мелким золотистым гравием, матовые шляпы фонарей, прячущиеся в пышных разлапистых кронах деревьев малахитового цвета, и чуть шевелящиеся в полном безветрии ветки гигантских кустарников, усыпанных желтыми и красными цветами, размером с суповую тарелку каждый.

Поглядывая под ноги, чтобы не оступиться, Павел на ходу обозревал окрестности со смешанными чувствами. Воздух пахнул разгоряченной за день растительностью, водной прохладой, густым цветочным духом и еще бог знает какими травами... Этот без сомнения южный воздух не шел ни в какое сравнение с духом мегаполиса, особенно с запахом Москвы. Перед ними был другой город! Возможно, даже другая страна. И это в голове никак, совсем никак не укладывалось.

Под подошвами ботинок хрустнул золотистый гравий, и Павлу Антоновичу захотелось куда-нибудь присесть – внезапно ослабели колени. Обернувшись, он посмотрел на сооружение, из которого они только что вышли – величиною с четырехэтажный дом песочного цвета пирамиду со спиленной вершиной.

– Извините, э-э-э-э... э-э-э... – никак не получалось вспомнить имя полномочного представителя, – а где мы находимся?

– На берегах Мальвинии, одного из лучших курортов Альвагоса, – ответил идущий чуть впереди Эдар.

– Ничего, если я присяду на минутку? – извиняющимся тоном произнес Павел, когда на глаза попала белоснежная, тонко-кружевная скамейка. – Что-то я подустал... с дороги.

– Присесть, конечно, не возбраняется, но дело в том, что ваше пребывание на Мальвинии рассчитано буквально по минутам. Нам как можно скорее необходимо попасть на терминал, зарегистрировать ваше прибытие. Это не займет много времени. А затем я провожу вас в отель, и отдыхайте спокойно.

Гравийная дорога сделала поворот, и из-за пышных зарослей выплыло сооружение, напоминающее контрольно-пропускной пункт с белым шлагбаумом необычной формы, больше напоминающим сложный турникет. За приземистым зданием с куполообразной крышей поблескивали гладкими стволами высоченные деревья с круглыми, словно специально подстриженными кронами.

Из здания навстречу путешественникам вышли трое молодых людей с одинаковыми стрижками, в темно-синих комбинезонах. Они приветливо заулыбались, и Павел заметил, что у них голубые зубы. Части турникета разошлись вверх и в стороны, Эдар первым ступил на огороженную территорию, жестом приглашая туристов следовать за ним. Процедура оказа-

лась короткой: их провели через сквозной коридор здания, оборудованный многочисленными арками, похожими на металлоискатели, выдали по плотной пластиковой карте с выдавленными буквами-цифрами и по весьма оригинальному приспособлению, напоминавшему блютуз-гарнитуру для мобильного, как объяснили – для преодоления языкового барьера. И пожелали приятного отдыха.

– Хотелось бы уточнить, – задержался на пороге Павел Антонович, – когда мы возвращаемся назад?

– Назад? – Один из троих полистал бумаги, переданные ему Эдаром. – Про возвращение тут ничего не сказано, ваш маршрут оплачен в один конец.

Павел решил, что ослышался.

– Погодите, это какое-то недоразумение. Как это – в один конец?

Услышав этот диалог, Лариса замерла с приоткрытым ртом и едва не выронила карточку с оригинальным приспособлением. Эдар взял бумаги, полистал и утвердительно кивнул:

– Да, все верно, у вас оплачены дорога в один конец и трое суток пребывания в отеле.

– Почему всего трое суток? – У Павла Антоновича нехорошо потяжелело в желудке. – В договоре говорилось о неделе.

– Дело в том, что между нашим и вашим времяизмерением наблюдается существенная разница...

– Послушайте! Вы мне голову не морочьте! – голос Павла сорвался на испуганный фальцет, хотя он и сам понимал всю бессмысленность возмущений и претензий на данный момент. – Можете объяснить, как так получилось, что наша поездка оплачена в один конец?

– Это, наверное, ошибка, – слабым эхом прозвучала Лариса.

– Я с этим разберусь, выясню подробности. – Эдар аккуратно свернул бумаги в трубочку. – Возможно, и вправду ошибка. А теперь идемте, времени совсем мало.

Мощная идеально подогнанными прямоугольными желтыми плитами дорога, окруженная исполинскими деревьями, привела путешественников к гостиничному комплексу в пять этажей, с увитой зеленью оградой. Эдар провел туристов на территорию отеля, оказавшуюся весьма небольшой и довольно скромной – не было даже бассейна, и подвел к центральному входу.

– Чтобы войти внутрь, вам нужно вставить карточку вон в ту щель, – объяснил Эдар. – На карточках указаны ваши этаж и номер, дверь номера открывается ими же. Дорога к морю находится с другой стороны отеля, идти недалеко. Путеводитель-справочник найдете у себя в номере. Там же найдете местную расчетную валюту – тумы. Не удивляйтесь, это не купюры, не монеты, а каменные спилы. Еще один совет лично от меня: постарайтесь поменьше общаться с другими постояльцами. Ну, вы понимаете, о чем я говорю.

И с этими словами Эдар направился к воротам.

– Э-э-э-э! – крикнул Павел Антонович. – А как же...

– Как проясню ваш вопрос, сразу же свяжусь с вами! – донеслось в ответ. – Отдыхайте!

Карточкой в щель Павел попал только с четвертого раза – пальцы не слушались ни в какую. Раздался тихий щелчок, и дверь отворилась, пропуская постояльцев в ярко освещенный вестибюль с мозаичными стенами и полом, щедро уставленным горшками с растениями. Ни стойки портье, ни окошка администрации – ничего. Только горшки всевозможных размеров да пара лифтовых кабин напротив входа. Других постояльцев, с которыми рекомендовалось не общаться, в округе не наблюдалось. Пока пересекали вестибюль, Павел рассматривал свою карточку, разбираясь, где там указаны этаж и номер комнаты.

– Если я всё правильно понял, то этаж Н, комната АС. У них тут буквенное обозначение.

– Я бы коньяка сейчас выпила, – хрипло проговорила Лариса, – за то, чтобы это незабываемое путешествие поскорее закончилось...

– Да ладно тебе, – бодрился Павел, – всё же хорошо.

– Ага! Хорошо! В один конец! Просто замечательно!

– Уверен, произошла какая-то дурацкая ошибка. – Павел осмотрел лифтовую панель в поисках кнопок вызова. – Сама подумай, как может турфирма отправить людей в поездку только в одну сторону? Это же бред.

– Ну что ты там возишься?! Что?

– Кнопку какую-нибудь ищу.

– Вон щель! Точно такая же щель, как и на входной двери! Суй в неё эту поганую карточку!

И действительно, вызов осуществлялся также при помощи универсальной карты. Мало того, кабина сразу же считала номер этажа и доставила постояльцев по назначению. На первый взгляд этаж ничем особенным от обычного гостиничного не отличался, и Павла Антоновича это странным образом успокоило. Номер тоже оказался вполне обычным, оформленным в колониальном стиле: плетеная мебель, разрисованные древесными орнаментами стены, двуспальная кровать под легким пологом. На столике у стены Павел заметил пару весьма увесистых справочников в ярких переплетах и пластмассовую коробочку, наполненную тонкими черными кругляками, шелковисто-гладкими, размером с металлическую пятирублевку. Не скажи Эдар, что это каменные спилы, он бы ни за что не догадался, из какого они материала. Пока он рассматривал их, Лариса что-то искала в его сумке.

– Ну-с, давай располагаться? – Пересчитав кругляки, Павел закрыл коробочку. – Предлагаю переодеться, прогуляться к морю и поужинать в симпатичном ресторанчике. Ты любишь купаться ночью?

Лариса не ответила. Она пила мятно-дынную настойку, прихваченную Павлом. Допив, она бросила пустую бутылочку на пол и взялась за следующую. Ожидая, пока женщина снимет стресс, Павел листал путеводитель, познавая массу интересного.

– Ненавижу купаться ночью! – на выдохе ответила Лариса.

– Поесть-то все равно надо. Давай прогуляемся, не сидеть же в номере.

– Я тут боюсь всего! – Лариса открыла третью бутылочку, и Павел мысленно похвалил себя за предусмотрительный жлобский сбор этих пузырьков.

– Чего бояться-то? Вот выйдем из отеля, тогда и заботимся, – пошутил он и сразу понял, что шутка неудачная. – Я тоже не ахти какой ночной пловец, но какой смысл сидеть в номере? Мы же не за этим приехали. Идем, прогуляемся.

Отшвырнув пустую бутылочку, Лариса деревянным шагом направилась к двери, раздумав переодеваться. Прихватив на всякий случай пару каменных кругляшков, Павел последовал за нею.

Территория была хорошо, даже чересчур щедро освещена – подсвечивались все тропинки и указатели. Пятиминутная прогулка по аллее – и они очутились на набережной. Бледно-желтая балюстрада обрамляла сиреневую бухту, с двух сторон скованную охряными скалами. Помимо яркого света гигантских развесистых фонарей, в плафонах которых басовито шумело пламя, имелись дополнительные источники освещения – многочисленные шары различных цветов и размеров. Они парили в метрах пяти – десяти над водой и набережной и оттуда, сверху, звучала весьма своеобразная, довольно приятная музыка.

– О-о-о-о! – произнесла Лагутина, изумленно глядя по сторонам.

– Да-а-а! – согласился Павел Антонович. То, во что отказывалось верить его сознание, отлично отточенный годами аналитический ум, упорно требовало признать всю свою невозможную, невероятную реальность. Свою действительность. – Ты знаешь, Ларис, у меня такое подозрение... очень подозрительное у меня такое ощущение, что мы на другой планете. Фокус, да?

– Что было в тех бутылках? – В глазах Лагутиной мелькнул диковатый огонек. – Какой-то наркотик? Галлюциноген?

– Хочешь сказать, все это нам кажется, а на самом деле мы по-прежнему сидим в Дохлошкинском переулке? Как по сюжету «Матрицы»?

– А как ещё, по-твоему, такое можно объяснить? – Широким жестом она указала на чинно шествовавшую мимо пару высоких, худющих существ с вытянутыми безносыми лицами цвета голубики. Существа поглядели на Павла с Ларисой белесыми рыбьими глазами, о чем-то забулькали между собой и пошли дальше, часто оборачиваясь, покуда не свернули с набережной на аллею.

– Давай-ка эти штуковины опробуем, – Павел протянул Ларисе «аппарат для преодоления языкового барьера». Только они приладили аппаратики к ушам, как эфир зазвучал на привычном с рождения языке: кто-то потерялся в зелени аллеи и звал кого-то, крича: «Я здесь, здесь!», с набережной доносились возгласы и разговоры о температуре воды...

– Глобус Сатурна приобрести не желаете? – послышалось вдруг откуда-то снизу.

Павел опустил взгляд и прямо перед собой увидел коротыгу, не больше метра ростом, в одеянии, отдаленно напоминавшем вязаное женское пальто до самых пяток, и головном уборе фасона «почти круглая шляпа с убитыми полями». Коротыга то и дело нервно озирался и одну руку подозрительным образом держал за пазухой.

– Сейчас убьет... – сказала Лариса, делая шаг назад. – Паша, сигай за парапет, там невысоко!

– погоди, похоже, он просто чем-то торгует, – ответил Павел. Склонившись к коротыге, он поинтересовался: – Чего, говоришь, у тебя?

– Глобус Сатурна приобрести не желаете? – повторил продавец, ни на секунду не прекращая напряженно озираться по сторонам.

– Стоящая вещь? – начал входить во вкус Павел. – Посмотреть можно?

– Здесь?! Туда надо отойти! – кивнул коротыга на ближайшую плохо освещенную аллею.

– Заманивает, Паша! Сигай, говорю, за парапет!

– Да погоди ты...

– Чего годить?! Слышь ты, сморчок, а ну чеши отсюда со своим Сатурном! – прикрикнула Лариса. – Сейчас полицию позову! Граждане, помогите кто-нибудь! К туристам домогаются!

Продавец глобусов испуганно посмотрел на женщину, надвинул шляпу поглубже на лоб и шмыгнул поскорее в аллею.

– Лар, ну ты чего? Он же сувенирами какими-то торгует, только и всего.

– К черту сувениры! Идем купаться!

Песок набережной оказался вовсе не песком, а крошечными полупрозрачными шариками, напоминавшими то ли пластмассу, то ли оргстекло. Намеков на кабинки для переодевания не было. Прикрывая друг друга полотенцами, они переоделись и осторожно, как в бездну, полезли в теплую сиреневую воду.

– Держит не хуже Мертвого моря. Интересно, такая же соленая? – Павел зачерпнул немного воды в пригоршню, поднес к губам и расплевался – вода оказалась кисло-сладкой.

Немного поплавав, выбрались на берег и только собрались вытираться квадратным гостиничным полотенцем, как прямо над головами зависла пара светомузыкальных шаров, и капли воды на коже вдруг засверкали фантастическим многообразием цветов, превратив Павла Антоновича с Ларисой в блистательных инопланетян. Они рассмеялись, удивившись своему виду, и рассматривали друг друга до тех пор, покуда шары не отлетели в сторону, играть и светить другой паре, вышедшей из воды.

– Слушай, а это было здорово. – Лариса подсушила полотенцем волосы. – Идем в отель?

– Ужинать не будем?

– Давай дождемся утра. Может, в отеле найдется ресторан? Страшновато по забегаловкам столоваться – я с собой и таблеток от желудка никаких не взяла.

– Хорошо, я и не особо голодный.

Утро наступило через девять часов. Но оно все-таки наступило. С кружащимися от голода головами Павел с Ларисой покинули номер и поспешили к лифту, мучимые единственным желанием – съесть хоть что-нибудь, всё равно что.

Ресторан обнаружился на нулевом этаже, в подвальном помещении, и представлял собою длинный зал с низкими потолками и круглыми красными столиками на четверых. Увидав трапезничающую публику, Павел Антонович ощутил, как его благородный рот сам собою начал приоткрываться.

– Паша, идем отсюда... – сдавленно произнесла Лариса, вцепляясь ему в руку. – Скорее, Паша...

Но зверское чувство голода не позволило Паше сдвинуться с места. Обводя взглядом помещение, он заметил мужчину и девушку вполне привычной земной наружности. Девушка модельной внешности вяло что-то цедила из шарообразного сосуда, а мужчина работал челюстями, отчего энергично танцевали наплывающие на воротничок рубашки подбородки. Заметив Павла с Ларисой, мужчина с подбородками заулыбался и помахал призывно, мол, подходите, присаживайтесь.

– Ларис, смотри, там наши сидят. Идем к ним за столик.

Сглотнув голодную слюну, она согласно кивнула и, держась на локоть Павла Антоновича, пошла к соотечественникам на подламывающихся ногах.

– Приветствую! – Соотечественник кивнул Ларисе и пожал руку Павлу. – Виктор Алексеевич, а это Кира.

Павел с Ларисой представились, усаживаясь напротив.

– Судя по лицам, вы на Мальвинии впервые? – растянул в улыбке пухлые губы Виктор Алексеевич.

– Да, приехали вчера... сегодня... Слушайте, ночь тут вообще сколько длится?

– Пятнадцать часов, но это, заметьте, лучшее время суток – днем тут невыносимая жара. Хорошо хоть всего пять часов. Основная жизнь кипит ночью. Чего заказывать будете?

Павел и не заметил подошедшего к столику официанта – длинного, бледного, почти прозрачного, похожего на маринованный росток бамбука.

– Вы с местным меню наверняка лучше нашего знакомы, может, посоветуете?

Виктор Алексеевич согласно кивнул, поправил «переводчик» на правом ухе и начал перечислять «маринованному бамбуку» названия каких-то блюд. После разговор возобновился.

– Что ж это за курорт такой, где день всего пять часов? – Лариса взяла сигарету, и подруга Виктора Алексеевича тоже потянулась к пачке.

– Тут загорать не надо, здесь не в этом интерес, – охотно пустился в объяснения Виктор, продолжая поглощать свой завтрак, состоявший, похоже, из густой мешанины мяса и овощей. – Водоем местный целительной силой обладает, омолаживающий эффект дает. Я разок приехал – и от кучи болячек избавился. Сейчас вот второй раз, и третий приеду... В общем, пока денег хватит – ездить буду. И для организма польза, и нервы расслабляются. Всё другое, и земляков редко встретишь – опять же радость.

– Радость! – саркастически усмехнулась Кира. – Хоть один бутик тут есть? А торговый центр? Я уже на базар согласна, но даже его тут нет! Лучше б в Ниццу поехали!

– Какая Ницца, дурочка? – усмехнулся Виктор Алексеевич. – Я ж тебя на другую планету привез, в иную цивилизацию! Дома тебе тряпок не хватает, что ли?

– Слушайте, конечно, можно допустить мысль, что это не мираж и мы действительно на другой планете, – Павел рассеянно наблюдал, как официант расставляет на столе поднесенные тарелки, – но как мы сюда попали? Как это возможно?

– Вы через «Вавилон» ехали?

Павел кивнул и жадно вгрызся в кусок чего-то жареного, сладковато-пряного на вкус.

– Так у них же там все есть для этого... перемещения. Очень удобно и качественно.

За неимением ничего похожего на салфетку Павел Антонович вытер рот тыльной стороной ладони.

– То есть это все нормально? В порядке вещей? В общем, я не знаю, как правильно выразиться... Все эти турпоездки на другие планеты – это уже давно практикуется? А то я, похоже, совсем отстал от жизни.

– Не знаю, я года три как разнюхал. Кира, если хочешь успеть на пляж до жарыщи, доедай-допивай поскорее, идти надо сейчас, а то пара часов и все – не загар, а угли! – И он расхохотался, тряся подбородками.

– Вы надолго сюда приехали? – Утолив острый голод, Лариса начала рассматривать куски в тарелке, прежде чем отправить их в рот.

– Четыре дня осталось. Мы на этаже Н, комната ПР, заходите в гости. Мы тут с вами одни земляне на весь отель. Да, еще – за еду платить не надо, все включено в стоимость проживания. Ладно, приятного аппетита, побежали мы на пляж.

Распрощавшись, пара ушла загорать.

– Мда, дела, однако. – Проглотив последний кусок, Павел ощутил стремительно нарастающую изжогу. – Гляди-ка, на выходе не Эдар ли?

Лариса обернулась.

– Да, это он.

Полномочный представитель стоял на пороге, оглядывая зал. Увидав Павла Антоновича со спутницей, он махнул рукой и направился к ним.

– Надеюсь, он с добрыми вестями, – напряженно произнесла Лариса и приветливо улыбнулась Эдару. – Сейчас скажет, что недоразумение благополучно разрешилось.

Приветственно кивнув, Эдар присел на место Виктора Алексеевича и сразу приступил к делу:

– Я интересовался вашим вопросом. К сожалению, ничем не могу порадовать. Никакой ошибки нет – ваши билеты действительны в один конец, все верно, и цена соответствующая.

– Но... как же так? – растерялся Павел Антонович. – Как нас могли отправить только в одну сторону? Это невозможно!

– К сожалению...

– Нет, это все-таки недоразумение! – подхватила Лагутина. – Вы связывались с «Вавилоном»? Это они наверняка что-то там напутали!

– С «Вавилоном» нет смысла связываться, к ним никаких претензий – договор оформлен правильно, заверен вашей подписью.

– Ладно, допустим. – Павел закурил, стараясь не поддаваться панике. – Может, связаться с каким-нибудь посольством, чтобы нас отправили обратно? А по прибытию мы немедленно оплатим переезд. И не станем предъявлять никаких претензий.

– Какое посольство? – Эдар почти с сочувствием посмотрел на Павла. – Вы в созвездии Мефина.

– Мефина? Где это?

– По-вашему – Волосы Вероники. Местные сутки делятся двадцать часов, количество минут и секунд в часе приблизительно такое же, как у вас. Окончание суток – рассвет, следовательно, сейчас закончились первые сутки вашего пребывания. Через один рассвет вы должны будете покинуть отель.

– Ка-а-ак это? – раскрыл рот Павел Антонович, и столбик пепла упал на стол с сигареты, забытой в пальцах. – Это что, шутка? Куда же нам идти? Слоняться с чемоданами по набережной?

– Набережная, как и прилегающая к ней прибрежная и водная зона, – территория отеля. Вы должны будете уйти за пределы данной территории.

Павел с Ларисой переглянулись. У Лагутиной дрожал подбородок.

– Так куда же нам деваться, черт бы вас побрал?! – заорал Павел Антонович, чем основательно переполошил едоков за соседними столами. – Ваше правительство допускает свободное шатание нелегалов где попало?!

– Скажем так, наше правительство данная проблема мало беспокоит. К тому же подобные случаи не так уж часто происходят.

– Стоп-стоп, – затряс головой Павел Антонович, – хотите сказать, мы не первые, с кем такое приключилось? То есть это в порядке вещей? И это не какой-то там вопиющий единичный случай?

– Нет, не единичный, – совершенно невозмутимо ответил Эдар. – Можно лишь предполагать, с какой целью ваши соотечественники рекомендуют своим друзьям отправиться в столь дальнее путешествие. В один конец. Теперь извините, вынужден попрощаться.

У окаменевшей пары не нашлось ответных слов для прощания, они смогли лишь проводить глазами удаляющуюся к выходу фигуру полномочного представителя. Когда вернулся дар речи и владение собственным телом, Павел Антонович медленно произнес, четко проговаривая слова:

– Лара, только без истерик. Давай сейчас встанем и пойдем в номер, там сядем и все спокойно обсудим.

Самостоятельно подняться из-за стола Лара не смогла. Павлу пришлось помогать и, придерживая ее за талию, вести к выходу. В номере Лариса присела на краешек кровати и уставилась немигающим взором в пространство, а Павел принялся мерить шагами комнату, не зная, с чего начать спокойное обсуждение.

– Кто, Паша? – чужим, безжизненным голосом произнесла Лагутина. – Если нас таким образом заказали, то кто это мог сделать? И зачем?

– Кто угодно, – пожав плечами, он присел рядом. – Из твоей компании или из моей. А почему нас обоих? Значит, был интерес такую хитрую комбинацию проворачивать. Догадываюсь, что генеральный на мое место своего человека замыслил, но как меня подвинуть, если я у истоков компании стоял и знаю о нем самом, о становлении бизнеса столько интересного, что один мой звонок в прокуратуру его пожизненно на нары отправит.

– Что ж нас просто не грохнули? Все дешевле бы обошлось.

– Дешевле-то да, но все-таки риск, а так мы просто без вести пропали.

– Исчезли бесследно... – эхом повторила Лариса. – Боже мой, какой-то чудовищный кошмар! Никак не могу поверить, что все это на самом деле с нами происходит!

– Послушай, мы с тобой в стрессе, можно даже сказать в шоке, думать и принимать решение все равно пока не получится. Предлагаю пойти прогуляться и осмотреть окрестности при свете дня.

Температура за пределами отеля была градусов пятьдесят – не меньше. Растительность замерла в дрожащем зное, казалось, замерли и все звуки, а запахи слились в густой, почти осязаемый сироп. Держась редких полосок тени, Павел с Ларисой обошли вокруг здания, осматривая территорию, обозначенную тонкой декоративной оградой, затем направились к набережной, где и увидели очередное ирреальное зрелище: вместо светомузыкальных шаров над пляжем парили белые треугольные зонты больших и малых размеров.

– Каждый раз забываем взять фотоаппарат, – заметила Лариса, наблюдая, как над их головами плавно зависает большой «двухместный» зонт.

– В договоре указано, что любая фото- и видеосъемка запрещена, за это там какой-то чудовищный штраф полагается, – сказал Павел. – Да и стоит ли? Все равно мы эту поездку никогда не забудем. Идем, надо изучать местность.

Сначала решили осмотреть менее оживленную часть набережной, полагая, что с той стороны можно будет поскорее увидеть, что же находится за пределами территории отеля. Так и вышло. Благоустроенная набережная заканчивалась белой решеткой, пересекающей пляж

и уходящей в воду. За этой простой и понятной границей простирался каменистый берег с зарослями растений, напоминавших гигантский хвощ и лопухи чудовищных размеров. Разумеется, никаких услужливых зонтиков над этой территорией не кружило.

– Давай еще в другую сторону пройдемся? – Павел Антонович напряженным взором всматривался вдаль, надеясь различить хоть какие-нибудь признаки цивилизации.

– Ну, давай, – неестественно спокойным тоном ответила Лариса.

Дойдя до центра набережной, они столкнулись с Виктором Алексеевичем, вышагивающим под одноместным зонтиком, в обеих руках он нес по зеленому плоду размером с небольшую дыню.

– Землячкам салют! – радостно выкрикнул он. – Загорать идете?

– Да нет, просто так, прогуливаемся, – промямлил Павел. – Кстати, не знаете, что там, в конце набережной?

– Забор.

– А за забором?

– Ничего. Кусты и камни. Туда лучше не прогуливаться. Пёс его знает, что у них там творится. Не хотите к нам с Кирой присоединиться? Экзотикой угоститесь, – он кивнул на плоды.

– С удовольствием, – сказал Павел Антонович, и дальше они пошли втроем. – Виктор Алекс...

– Да просто Виктор и без выканья!

– Договорились. Виктор, неужели ты сюда только ради целебной воды едешь?

– Конечно не только. Нервы ездю расслаблять. Женушка моя совсем уже на старости лет озверела, чуть ли не слезку за мной устраивает. Если застывает, все – развод, и по брачному договору я с голой жопой на мороз пойду. Так что Ницца хоть и дешевле, но мне Кирку легче на другую планету свозить, спокойнее.

– Кстати, ты не заметил, что от местных граждан запах такой странный исходит, будто речной водой от них пахнет, что ли. Интересно, почему?

– Понятия не имею. Особенность, должно быть, организма. Не тухлятиной несет, и за это спасибо. Здесь спускаемся.

Кира сидела в мягком шезлонге у самой воды и внимательно рассматривала свои длиннющие розовые ногти. Завидев компанию, девушка отстраненно улыбнулась и продолжила свое занятие. Расположились они в соседних шезлонгах, и Павел Антонович завел непринужденную беседу, посасывая кисло-сладкий сочный ломтик:

– А вот интересно, уехать отсюда можно только через ту пирамиду или как-то иначе?

– Вроде только через пирамиду.

– И много здесь таких пирамид?

– Насколько мне известно, одна на всю планету, и сообщение с Землей только через нее происходит. – Виктор очистил второй плод и устроился поудобнее в шезлонге. – Сама-то планетка крошечная. Эта курортная зона – единственное доходное туристическое место.

– Понятно... – Павел Антонович глубоко призадумался.

– После обеда приглашаю к нам в номер на бокальчик местного пойла. Хоть крепости никакой, да и на вкус сомнительно, зато эффект дает оригинальный.

Павел вяло кивнул, Лагутина довольно громко скрипнула зубами и поинтересовалась, можно ли сейчас купаться или лучше подождать ночи.

– Лучше когда стемнеет, а то мигом обгорите. С полчаса подождите, скоро начнется представление.

И правда, минут через сорок Павлу с Ларисой довелось наблюдать удивительное зрелище. По небу с мультипликационной скоростью понеслись кофейного цвета облака. Они стремительно сгустились вокруг ослепительного красновато-оранжевого светила, даже не думающего

покидать зенит. Затем в считанные минуты небо залила густая чернота, словно кто-то опрокинул гигантскую чернильницу, а после торопливо швырнул во тьму щедрые россыпи чужих созвездий. И все. И никаких закатов. Ночь наступила практически мгновенно. Парящие над набережной зонты прямо в воздухе стали сворачиваться, превращаясь в светомузыкальные шары.

– Поразительно... – только и смог вымолвить Павел.

– Здорово, да? – с непонятной гордостью ухмыльнулся Виктор, словно имел какое-то отношение к произошедшему. – Рассветы такие же, только в обратном порядке: исчезает чернота, разлетаются тучи, жарит солнце. Купаться будете?

Купаться Ларисе почему-то расхотелось, и все вместе туристы пошли в отель обедать. А после обеда – в номер к Виктору с Кирой дегустировать местное пойло, дающее оригинальный эффект.

За дегустацией Павел ни на минуту не прекращал мучительных раздумий: что делать? Как выбраться из сложившейся ситуации? Встречаясь с туманными от слез глазами Лагутиной, он всякий раз терял нить размышлений и начинал сначала. Посиделки не клеились. Понимая, как мало осталось времени, Павел с Ларисой не могли больше изображать беспечных отдыхающих. Пришлось похвалить омерзительный напиток, скомкано распрощаться и уйти в свой номер.

– Ты что-нибудь придумал? – Едва переступив порог комнаты, Лариса закурила.

– Необходимо запастись провиантом, чтобы хватило хотя бы на первое время.

– Скажи, что нам это все снится.

– Да я сам бы рад проснуться, но... увы. В любом случае у нас еще есть время и надежда на чудо: возможно, ситуация как-нибудь рассосется сама собой.

– И как же она рассосется? – недобро прищурилась Лариса.

– Может, это все-таки недоразумение, и оно прояснится или с этой стороны, или со стороны Дохлокошкинского переулка.

Но ситуация не прояснилась и не рассосалась ни с какой стороны. Когда до «часа икс» осталось совсем немного времени, Павел спустился в ресторан и заказал бамбукообразному официанту все меню с собой. Два раза. В герметичной упаковке. Ждать пришлось довольно долго, зато заказ оказался не только разложен и разлит по прозрачным контейнерам, но и заботливо укомплектован в уродливую матерчатую сумку с нелепыми длинными ручками. Поднявшись с трофеями в номер, Павел застал там непрошенных гостей в количестве двух штук: невысокие, крепко сбитые лысые парни со стеклянными, ничего не выражающими глазами и гладкими розовыми, словно у пластмассовых пупсов, лицами.

– В чем дело? – почти спокойным, почти уверенным тоном произнес Павел, зачем-то пряча сумку за спину. – Вы кто?

– Они нас, Паша, пришли сопроводить из отеля, – сдавленно пояснила сидевшая на кровати Лариса и закашлялась, подавившись сигаретным дымом.

«Пупс», стоявший слева, вдруг широко раззявил рот, отчего он превратился в неправдоподобно огромную черную пасть, и издал пронзительный клёкот, от которого на ухе Павла Антоновича завибрировал переводной аппарат. В переводе клёкот означал: «Ваше пребывание на курорте Мальвинии окончено. Просьба немедленно покинуть отель и прилегающую к нему территорию. Следуйте за нами».

– Хорошо, хорошо, – пробормотал Павел Антонович, ошарашенный такими звуками из такой пасти. – Мы уже собрались, готовы идти. И совершенно незачем так орать, ребята.

Взяв вещи, туристы последовали за «проводящими», облаченными в одинаковые светло-серые мешковатые костюмы. Когда группа ступила за порог отеля, начался рассвет, пока спускались по лестнице – закончился. На набережную вышли в молчании. Павел не решался задавать вопросы, опасаясь снова увидеть черную пасть и услышать звуки, исторгаемые ею, а Лариса

везла чемодан с видом человека, готового в любой момент упасть в обморок, так что говорить она попросту не могла.

Как и предполагалось, чудовищные «пупсы» привели к белой оgrade, разграничивающей территорию отеля с дикими кущами. К сожалению, пасть увидеть и звуки услышать пришлось: в паре метров от огады «пупсы» остановились и, сделав предупреждающие жесты, синхронно распахнули рты. Павел даже отступил на шаг назад и зажмурился, опасаясь до пенсии видеть и слышать всё это в липких ночных кошмарах. Истерично завибрировавший от клёкота переводчик выдал: «Во избежание травматизма, стойте на месте! Начинайте движение вперед только по команде».

Центральная часть огады, до этого казавшейся цельной, отделилась, приподнялась и зависла в воздухе. И тут «сопровождающие» опять стали раскрывать свои черные рты...

– Идти можно, да?! – выкрикнул Павел Антонович, упреждая невыносимый клёкот. – Мы поняли! Мы идем! Спасибо, что проводили, до свидания!

Несмотря на сумки в обеих руках, мужчина умудрился подхватить еще и чемодан Лагутиной и, подталкивая саму Лагутину, поспешил в открывшийся проём. Как только они оказались за границей, секция огады с опасной скоростью опустилась вниз, отрезая от территории отеля. «Пупсы» проверили целостность огады, развернулись и пошли прочь, утратив интерес к бывшим туристам. С колотящимся сердцем Павел разжал пальцы, и багаж упал на землю. Он хотел перевести дух, вдохнув воздуха во всю грудь и... не смог. Получились короткий хлипенький вздох, каменная тяжесть в груди и надрывной кашель. Замершая Лариса будто очнулась именно от этого кашля и зашла в визгливом крике:

– Ты! Ты виноват! Ты меня втянул в этот кошмар! Из-за тебя я сдохну! Сдохну тут! – Белая щека Ларисы мелко-мелко задрожала в нервном тике, а глаза стали мутно-желтыми. Внезапно она схватила увесистый острый камень и со всей силы ударила Павла в лоб. Не ожидавший ничего подобного, он рухнул навзничь, треснулся затылком о край валуна и потерял сознание.

Сколько он так пролежал, Павел не знал. В себя он пришел от пульсирующей боли и надрывных рыданий Ларисы:

– Паша, Пашенька, Павлик! Ты только не умирай! Прости меня, Павлик! Только не умирай, пожалуйста! Не бросай меня тут, Пашенька!

– Не брошу, – разлепил он губы, чувствуя, что его больная голова лежит на коленях Ларисы. – Знаешь, за что я свою мать простить не могу?

– За что? – судорожно всхлипнула она.

– За свое имя. За Пашеньку, за Павлика, за Павлушу. Она десять лет как умерла, а я все равно Павлуша. – Павел медленно приподнялся и сел, держась за голову. На Мальвинии была ночь, значит, без сознания он пролежал почти пять часов. – Когда ко мне Павел Антонович обращаются, не всякий раз откликаюсь – не понимаю, что меня зовут, ведь я ни хрена никакой не Павел Антонович, я толстый, нервный Павлуша, снова забывший надеть шарфик и шапочку. И все, чего я добился, все, что так выгрызал, до чего дотягивался в этой жизни – только для того, чтобы перестать быть Павлушей. Чтобы шапочку неподъемную снять и шарфик-удавку размотать. Ты понимаешь? И к чему я пришел? Где я? На другой планете с разбитой головой и подозрением на инсульт. С бабой, которую я обхаживал, чтобы она слила нам активы своей компании. Не далековато ли меня завели шапочка с шарфиком?

– Можешь не расстраиваться, я с самого начала знала, зачем и почему ты меня обхаживаешь. – Лариса вытерла слезы и, намочив какой-то лоскут в прозрачной жидкости из пищевого контейнера, принялась аккуратно вытирать кровь с его лба. – Решила тебе подыграть.

– Подыграть? Почему? – покосился на нее Павел.

– Потому что мне хотелось мужчину. Такого вот умного, ухоженного, красивого мужчину, который стал бы спать с десятком молоденьких модельных сучек, но не обратил бы на

меня внимания, как бы я ни навязывалась. А так тебе пришлось за мной даже поухаживать. – Лариса улыбнулась, выжимая лоскут. – Мне было приятно, честное слово.

– И ты слила бы мне активы? – Павел поморщился, трогая затылок.

– Нет, не слила бы. Как ты себя чувствуешь?

– Вроде ничего.

– Соображаешь?

– Да.

– Тогда очень тебя прошу, – Лагутина подвинулась к нему вплотную, взяла его лицо в ладони и проговорила, глядя в глаза, – перестань, наконец, быть Павлушей. Придумай что-нибудь и спаси нас. Верни нас домой.

– В водичку сейчас мокнуть для начала, ладно?

Стянув одежду, мужчина, неуверенно ступая, побрел к едва слышно плескавшейся в потемках воде. Купаясь, он не мог не вспомнить слова Виктора о том, что водоем целебный: болевые толчки стихли и прекратились почти мгновенно, стоило только нырнуть с головой. На берег Павел вышел, чувствуя себя молодым и сильным. Не без удовольствия ощущая, как покалывает кожу высыхающая влага, он оделся и поинтересовался, остались ли сигареты. Лагутина молча прикурила и протянула ему. Затянувшись, Павел подошел к ограде и уткнулся лбом в изящные белые прутья. Там, за решеткой, кипела жизнь и летали светомузыкальные шары...

– Глобус Сатурна купить не желаете?.. – слабо донеслось откуда-то из полумрака ухоженных аллей.

– Желаю! – что есть сил крикнул Павел Антонович, не совсем, впрочем, понимая, зачем он это делает. – Желаю! Сюда! Сюда иди! Я хочу купить глобус Сатурна!

– Паш, ты что делаешь? – подскочила испуганная Лариса.

– Оттащи вещи подальше в темноту, чтоб внимания не привлекали. – Он лихорадочно ощупывал карманы в поисках коробочки с тонкими каменными спилами. – И сама там сядь, чтоб тебя не видели. Сюда! Сюда! Хочу глобус Сатурна!

Аккурат к тому моменту, когда Лагутина затаилась вместе с багажом в темноте, к забору неуверенно подошел коротышка в шляпе.

– Здравствуй, – заулыбался Павел, держась дрожащими от возбуждения руками за прутья. – Мы уже виделись, помнишь? Я гулял с женщиной по набережной, а ты мне свой Сатурн предлагал, помнишь?

Коротышка едва заметно кивнул, настороженно глядя на человека.

– Хочу его купить прямо сейчас. Сколько он стоит?

Коротышка замаялся. Он мялся и медлил, медлил и мялся... Павел заметил, что шляпа на его голове шевелится, будто сама по себе, а глаза белеют и выдвигаются на «ножках», как у рака.

– Смотреть не будете? – прошелестел, наконец, коротышка. – Прямо так возьмете?

– Прямо так возьму! – улыбнулся Павел, до белизны костяшек стискивая пальцами прутья решетки. – Сколько хочешь?

– Как всегда, – он воровато огляделся, – два тима. Недорого?

– В самый раз! – Павел нащупал в коробочке два каменных спила и протянул их через решетку. – Вот тебе тимы. Давай сюда Сатурн.

Медленно, словно не веря собственным глазам, коротышка сунул руку под пальто и, не сводя взгляда с тимов, извлек золотистый прозрачный шар размером с грейпфрут. Сделка состоялась, и коротышка собрался торопливо брызнуть в аллею.

– Стой! Еще тимов хочешь? – Золотой шар завис в пяти сантиметрах от ладони и ощущимо грел руку. Коротышка замер в прыжке и обернулся. – Есть одно дело. Если поможешь, получишь ещё.

– Какое дело? – Он вернулся и подошел вплотную к решетке.

– Рядом с набережной есть отель, знаешь?

Коротышка кивнул шевелящейся шляпой.

– Надо пройти незаметно в отель, в номер. Так, чтобы тебя никто не увидел. Сможешь?

– Я – нет.

– А кто-нибудь другой сможет? Тимов на всех хватит!

– Бираса сможет, – недолго раздумывал коротышка. – Позвать?

– Да, да, – колени Павла Антоновича почему-то стали слабеть, ему захотелось присесть, – зови скорее!

Коротышка исчез, словно растворился. Павел рухнул на песок, отдышался и запоздало хотел положить рядом золотистый шар, но тот упорно подвисал в воздухе и на песок ложиться не желал.

– Паша, ты что задумал? – вынырнула из темноты Лариса.

– Наши договоры с билетами где? У тебя? – Он уткнулся лбом в белый изгиб ограды, ощущая некую не изведенную доселе радость бытия.

– Да, в сумке. Сейчас найду...

Отбросив договоры, он взял прямоугольники билетов. Никаких фотографий, паспортных данных – только имена и дата. Дата вылета без даты возвращения. Павел не успел отсмеяться, а к ограде уже вернулся коротышка. С ним был тощий сизый монстр с лицом дохлого осла.

– Это еще что такое? – произвольно вырвалось у Павла.

– Это Бираса, – покачал шляпой коротышка. – Он все сможет, что вам надо. Что вам надо? Он все сможет!

– Нужно, чтобы Бираса... ну или кто-нибудь из вас незаметно пробрался в отель, в комнату с окном на уровне круглой белой кроны толстого дерева с голубым стволом. Вы хоть немного понимаете, о чем я говорю?

– Комната на Н этаже, куда обычно землян расселяют? – мелодичным, почти женским голосом произнес Бираса. – Окно на торце здания, да? Прямо под ним зеленый цветник?

– Да! – Голос Павла Антоновича как-то сам по себе звучал плаксиво и радостно одновременно. – Вы сможете туда пробраться незаметно?

– Насколько незаметно? – зачем-то уточнил коротышка.

– Чтобы вообще никто не заметил! Вы поменяете одни вот такие бумажные прямоугольники на другие такие же, лежащие на столике у окна. Просто возьмите те, что лежат на столике, вместо них оставьте вот эти. И те, что возьмете, принесете нам, сюда. Я не очень путано говорю?

– Нет-нет, вполне доступно, – мелодичными, ласковыми колокольчиками прозвучал сизый монстр. – Три тима за услугу. Один прямо сейчас отдайте ему, – кивнул он на коротышку.

– А если не принесешь?

– Принесу. Вам же все равно понадобятся наши дальнейшие услуги, верно? Например, для того чтобы пройти отсюда к терминалу?

– Мы великолепно поняли друг друга. – Павел опустил в грязно-желтую ладонь коротышки один спил и вручил билеты Бирасе, после чего они оба растворились в потемках.

– Па-а-аш, – спотыкаясь о камни, подошла Лариса, – и как же мы это провернем? Улетим вместо них?

– Да, вариантов больше нет. – Он расстегнул свою сумку и вытряхнул из нее барахло. – Они улетают с рассветом. Взяли и передумали, решили уехать пораньше. У тебя шляпа есть?

– Конечно, я же на курорт ехала!

– Давай переодевайся: шляпа, каблуки, платье. Чтобы на Киру хоть отдаленно походила.

Сам же принялся напяливать поверх одежды спортивный костюм, в котором собирался прогуливаться по гостинице, а под него напихал вещи, стараясь придать объем своему телу. Отдышавшись, аккуратно надел кепку, надвигая козырек поглубже на лоб.

– А они тут как же... останутся? – С ожесточенным сопением Лариса принялась переодеваться.

– Нормально все у них будет. Оплачено в оба конца – разберутся с недоразумением.

Укомплектовав в опустевшую сумку тряпичную авоську с едой, Павел сунул туда же глобус Сатурна и шумно выдохнул.

– Жратву зачем взял-то? – озадачилась Лариса.

– Лишней не будет. Не... не знаю, зачем взял. Пускай. Сумка зато не выглядит пустой.

Вскоре явились коротышка с «мертвым ослом».

– Вот, – Бираса передал сквозь решетку два билета. Павел Антонович резко выхватил их и жадно рассмотрел. Да, на них, к счастью, тоже не было никаких фотографий и прочей идентифицирующей личности информации.

– Ваши тимы, – он добросовестно передал два каменных спила Бираса. – Как нам теперь пройти к пирамиде? Нас не заподозрят из-за несвоевременного отъезда? Нас как-то будут сканировать, изучать, определять?

– Не думаю, – ответил Бираса. Дрожащими ноздрями он обнюхал тимы, прежде чем передать их коротышке. – Терминал интересуют только приезжающие. Покидающие планету никому не интересны. Они ведь уезжают, какой с них толк.

– Очень мудро, очень правильно. Куда идти?

– Ступайте вверх, вдоль ограды.

Через нагромождение камней, сквозь скользкие запаутиненные заросли лопухов, ободравшись, изматерившись, лишив чемодан всех колес, туристы выбрались к узкой прорехе в плотной зеленой стене и умудрились пролезть сквозь нее на тропинку, где их терпеливо поджидали коротышка и «мертвый осел».

– Теперь куда? – тяжело дыша, поинтересовался Павел Антонович.

– По этой дорожке прямо, – указал Бираса на тропинку, нырявшую в цветущие заросли. – Через поворот – терминал.

– А если обманешь?

– Придется доверять, – расплылась в улыбке ослиная морда. – Вместе идти нельзя: дорога к терминалу со всех сторон просматривается, увидят нас с вами – никуда не улетите.

– Ладно, доверяю. – Павел сунул ему коробку со спилами. – Спасибо за Сатурн.

Наспех приведя себя в порядок, пара торопливо пошла по дорожке, не чувствуя тяжести багажа. Истерично колотиться сердца перестали только за поворотом, когда и вправду показался терминал. Сбавив темп, Павел с Ларисой пошли спокойным шагом, поправляя головные уборы. На терминале их встречал один-единственный работник. Неурочное появление туристов явно озадачило его.

– Вот! – Павел протянул ему билеты, не сбавляя шага и не поднимая головы. – Мы улетаем!

– Почему? У вас еще почти двенадцать часов пребывания...

– Моей девушке не понравилось, улетаем сейчас.

– Что ж... – Работник нехотя принялся открывать турникеты. – Но сейчас нет никого, я не имею права...

– Пирамида ведь всегда в готовности, да? – сурово произнес Павел, исподлобья глядя на сотрудника терминала.

– Да...

– А крепления мы сами застегнем, не в первый раз летаем! Дверь в пирамиду откроешь?

– Ну... я...

– Вот, держи, – Павел извлек из кармана спортивных штанов два тима, на всякий случай припрятанных из шкатулочки. – И открой-ка поскорее дверь для постоянных клиентов! Ты знаешь, сколько вам вообще Земля за нас платит? Ты знаешь, что с вами тут будет, если мы больше не приедем? И других отговорим?

– Идемте. – Работник торопливо сунул тиму в карман форменной куртки. – Давайте, что ли, и крепления вам помогу застегнуть...

Оказавшись внутри пирамиды, туристы спокойно сели в кресла рядом друг с другом, словно в салоне обычного самолета. Парень из терминала аккуратно зафиксировал багаж, помог с креплениями и сказал:

– Вроде всё. Приятного пути.

– Счастливо оставаться! – хором произнесли туристы.

– Возможно, будут небольшие перегрузки...

– Мы в курсе! Спасибо!

– Всегда ждем вас снова.

Парень вышел из пирамиды, и проход за ним стал закрываться в шахматном порядке.

– Не верится, что получилось... – едва слышно прошептала Лариса.

– Погоди радоваться, еще не взлетели, – так же шепотом ответил Павел. – Ты знаешь, когда мы вернемся...

– Дай только вернуться, – прошипела Лагутина, – только дай вернуться! Уж я-то найду того, кто нас сюда без обратного билета отправил! Замучается дохлыми кошками переулки обкладывать!

– Лара, тише! Только бы взлететь... Только бы не сорвалось...

И вдруг наступила тишина, абсолютная, полнейшая тишина, а после появилась тьма, похожая на мгновенное подавление всех пяти чувств, словно нечто огромное навалилось сверху...

– Мы полетели, Лара! – захохотал Павел Антонович. – Мы полетели! Начался полет! Стартанули!

И хоть тяжесть эта была так ощутима физически, Павел все равно дотянулся до прикрепленной к его креслу сумки и достал глобус Сатурна. Золотистый шар осветил собою по-детски восторженное лицо Павла. Мужчина покрутил его в руках и вдруг увидел внутри крошечные облачка. Они разлетелись, словно от дуновения ветра, и показались континенты, моря и океаны. Казалось, еще немного – и рассмотришь всю торопливую жизнь и тайную цивилизацию Сатурна...

– Паша, что там у тебя? Паша, что ты там вообще делаешь?

– Лар, не поверишь... Я рассматриваю Сатурн!

– Паша, какой нафиг Сатурн ты рассматриваешь в этом апельсине? Хватит уже в детстве болтаться!

– Ларис, не надо так сильно воздух сотрясать! Оно на любые движения реагирует! Интересно, только смотреть можно или реально попасть туда через этот чудо-глобус?

– Паша, о чем ты? Мы сейчас только на один чудо-глобус должны попасть – на Землю! Кстати, хочу спросить, ты способен на убийство?

– Я? Нет. – Павел продолжал зачарованно смотреть в прозрачный шар.

– А оплатить убийство?

– Оплатить? Да, способен.

– Вот и замечательно. Я найду того, кто устроил нам это незабываемое впечатление, а ты оплатишь заказ! Договорились?

– Да, Лара, хорошо, все сделаем. Надо же, у них и дороги, и машины – почти как у нас. И дома...

А глубинная тихая тьма тем временем выросла утробным гулом. Гул вызрел, как огромный тугой нарыв, готовясь взорваться на могучем своем пределе. Мощный звук, стремительно переходящий в рёв, казалось, заполнил собою каждую клетку, всякий волос заставил приподняться...

Вдруг в этой нереальной тишине раздался тонкий звон удивительной мелодичности, словно одновременно запели сотни крошечных хрустальных колокольчиков. Шар в руках Павла Антоновича увеличился в размерах до баскетбольного мяча и лопнул, ослепляя оранжевым светом. Павел почувствовал, что куда-то стремительно движется вместе с креслом. Хоть и длилось это ощущение несколько секунд, голова успела основательно закружиться. Последовал мягкий толчок, в глазах прояснилось, и Павел Антонович увидел, что сидят они с Ларисой Лагутиной в креслах с пристегнутым багажом посередине голубой пустыни. И никакой такой пирамиды ни вокруг, ни поблизости. Теплый сухой ветерок отчетливо пах садовыми цветами, безоблачное синее небо светилось неоновым, почти электрическим свечением. Расстегнув ремни креплений, Павел встал с кресла, и шар, принявший прежние форму и размер, скатился с колен, падая в песок. Сделав пару шагов, Павел огляделся, обрел дар речи и смог произнести:

– Ох... ох... охренеть.

– Что случилось? – Лариса продолжала сидеть, крепко держась за поручни. – В чем дело? Где мы?

Павел пожал плечами и наклонился за глобусом. Увидав этот шар в его руке, Лариса звывла нехорошим голосом и дрожащими пальцами принялась расстегивать ремни:

– Ааааа! Допокупался сувениров! Доигрался в шарики-ролики!

– погоди, Лара, не нервничай. – Увязая в голубом песке, Павел зачем-то обошел вокруг кресел, потрогал спинки. – Но это же невозможно. Считаешь, мы и вправду оказались на этом... как его...

– Сатурне! Мать его, Сатурне!

– Фантастика! – Его губы расплылись в блаженной улыбке. – Подумать только, все человечество столетиями мечтало оказаться на нашем месте...

– А я мечтала оказаться на месте всего человечества! – завопила Лариса, багровея лицом. – На Земле! Дома! А всё человечество пускай валит сюда! Всё, до последней продажной скотины! Что такое происходит с нами, а? – ее голос стих до сиплого шепота. – Это шутки какой-то высшей силы? За нами кто-то наблюдает? Кто-то руководит нашими судьбами, и кому-то оказалось недостаточно веселья? Почему нельзя было дать нам спокойно добраться до дома?! – снова завопила она, хватая пригоршнями песок и швыряя его в невидимых врагов. – Ведь! Мы! Были! Так! Близки! К цели!

– Ларочка, хорошая моя, ну тише, успокойся, пожалуйста. – Павел бережно положил глобус на сидение и попытался обнять бьющуюся в истерике женщину. – Может, выпьешь чего-нибудь?

– А у нас еще что-нибудь осталось? – всхлинула она, утыкаясь носом в карман его рубашки.

– Сейчас посмотрим. – Павел пригладил ее растрепавшиеся волосы. – У нас еще провизии целый чемодан, надо бы употребить хоть частично, пока не испортилось.

Выпивка нашлась, а разыгравшийся на нервной почве зверский голод отлично утолили кулинарные изыски курорта Мальвинии. Ели все подряд, стараясь лишний раз не разглядывать пищу. Наевшись, напившись, Лариса закурила и откинулась на спинку кресла, сытым взглядом обводя однообразный пейзаж.

– Что дальше делать будем?

Павел упаковал в сумку остатки провизии, взял глобус и уселся в кресло.

– Сейчас попробую разобраться, как действует эта штука. Может, удастся найти какой-то выход с его помощью.

– Будь поаккуратнее, пожалуйста! – с ядом в голосе произнесла Лариса, делая последнюю затяжку и туша окурок о подлокотник. – Очень тебя прошу!

– Постараюсь, – кивнул Павел, вглядываясь в чудо-глобус.

Прозрачная поверхность шара была затуманена изнутри, словно кто-то выдохнул в него сигаретный дым. Павел и так его крутил, и смяк, даже потряс немного под неодобрительным взглядом Ларисы, но ничего путного так и не разглядел.

– Там какой-то дым и всё, – немного виновато произнес он, протягивая шар Ларисе. – Сама посмотри.

– Возможно это тучи, – она мрачно взглянула на глобус, отказавшись брать его в руки. – Погода, может, там испортилась... внутри. Или горит чего-нибудь.

– Тогда надо подождать, пока распогодится, – покладисто согласился Павел. – Ну или когда потушат.

– Что потушат? – Лагутина перевела мрачный взгляд на его небритое лицо.

– То, что там горит, – он потряс шаром, – внутри...

Лицо Ларисы снова резко побагровело, и она разразилась потоком брани в адрес Павла Антоновича. Тот терпеливо выслушал все, что она думала о его умственных способностях и деловых качествах, дождался, когда фонтан красноречия иссякнет, и предложил двигаться в поисках населенного пункта, а там попытаться выяснить, существуют ли какие-то способы транспортироваться на Землю.

– И куда ты предлагаешь идти? Тут кругом пустыня!

– А вот так вот, прямо вперед и пойдем, – махнул рукой Павел. – Я же видел в глобусе дома, дороги, машины – значит, где-то должна быть цивилизация, причем схожая с нашей. Здесь мы много не высидим, надо двигаться. И давай из вещей возьмем только самое необходимое, чтобы в мою сумку поместилось, а чемодан твой оставим здесь.

– Может, наоборот лучше взять мой чемодан? Он хотя бы на колесах. – Она кивнула на единственное уцелевшее колесико.

– И далеко мы по песку на колесах уедем? Еще не мешает переодеться и переобуться, – указал он на туфли-шпильки Лагутиной.

Пока она копалась в чемодане, Павел переоделся в бриджи, майку и кроссовки, поглубже надвинул бейсболку, в нагрудный карман сунул черные очки. Оставив в сумке только спортивный костюм, смену белья и бритвенные принадлежности, всё остальное выложил на сидение кресла. Лариса переоделась в легкий кремовый костюм – брюки и блузка, шпильки сменила на матерчатые туфли без каблуков, волосы убрала под соломенную шляпку. И занялась сортировкой багажа. Но самого необходимого у нее оказалось слишком много.

– Ларусь, – мягко, но решительно Павел отобрал у нее громадную, туго набитую косметичку, – эта штука слишком тяжелая, а нам еще еду тащить.

Переворошив содержимое косметички, Лариса ограничилась кремом для лица, лосьоном, зубной щеткой и тюбиком пасты. Затем она все-таки попыталась доложить в сумку шампунь, гель для душа, гель для умывания и крем для тела, но Павел выкинул все, кроме геля для душа, сказав, что им можно помыть не только тело, но лицо, и волосы, и руки. Из вещей принудил ограничиться спортивным костюмом на случай похолодания и парой сменного белья. Скрипя зубами, Лариса подчинилась. Бережно завернув глобус в спортивные штаны, Павел положил его в сумку, застегнул молнию, бросил прощальный взгляд на нелепо стоящие посреди пустыни кресла и пошел, куда глаза глядели.

Крупный песок громко скрипел, ноги основательно вязли, но тем не менее идти почему-то было не трудно. Ни облаков, ни солнца на гладком, будто пластмассовом небе не появлялось

– ориентироваться во времени и пространстве предстояло как-то иначе. Павел Антонович пока затруднялся придумать как именно.

Через час сделали привал. Сидели друг напротив друга, черпали песок пригоршнями и смотрели, как он сыпется тонкой голубой струйкой из кулака.

– Почему он голубой? – грустно спросила Лариса.

– Черт его знает, – честно ответил Павел. – Довольно приятный цвет.

– Странная пустыня. – Она достала пачку, пересчитала сигареты и закурила. – Ни дюн, ни барханов – ровная поверхность, гладенький песочек. Как искусственное, да?

– Ага. – Павел тоже закурил, глядя на небо. – И непонятно, откуда этот свет берётся.

Передохнув, они двинулись дальше. Пустыня выглядела нескончаемой, и через пару часов Лагутина начала падать духом и предложила вернуться обратно к креслам.

– Надеюсь, ты сама понимаешь, насколько это глупо. Солнца нет, ориентиров никаких, за нами даже следов не остается.

– Хочешь сказать, мы не сможем вернуться к нашим вещам?! – воскликнула она. – У меня там одной только одежды на шесть тысяч евро!

– Лара, – Павел остановился, бросил сумку и перевел дух, – посмотри вокруг, просто погляди. Какая одежда? Какие евро? О чем ты?

Лариса приоткрыла рот, собираясь ответить, как вдруг раздался необычный звук, похожий на шуршание и скрежет одновременно.

– Что это? – насторожилась Лариса. – Откуда это доносится? Ты слышишь?

– Конечно, – Павел покрутил головой по сторонам, – довольно неприятный звук.

– И он усиливается, – прошептала Лагутина, – приближается... Мне страшно, Паша!

Павла же не столько сам звук нервировал, сколько отсутствие какого-либо его источника.

– Ай! Гляди! – взвизгнула Лариса. – Песок вспучивается!

По правую сторону, метрах в десяти, буквально на глазах вздымался голубой холм. Не успели туристы ахнуть, как из песчаных недр выбралось здоровенное существо черного цвета – нечто среднее между скорпионом и кузнечиком, метра четыре в высоту и не менее шести в длину. Не обратив на оцепеневших людей никакого внимания, существо помчалось в синюю даль, высоко вскидывая членистые конечности и оставляя за собой широкий влажный след.

– Какой кошмар... – Лариса пошатнулась, хватаясь за руку Павла Антоновича. – Какая мерзость... Они, наверное, тут повсюду...

– Вот, значит, откуда цветочный запах, – Павел шумно втянул ноздрями воздух. – Так пахнут выделения этого... этого... насекомоподобного существа.

– Какой ужас, ужас, ужас! – как заведенная, повторяла Лариса.

– Лара, не стоит так нервничать. – Павел хотел погладить ее по волосам, но на голове женщины была шляпа. – Согласен, ужас, но существо в нашу сторону даже не посмотрело – вылезло и пошуршало по своим делам. Оно не опасное, не агрессивное...

– А жрет оно тут что, это существо? – Лагутина шмыгнула носом и смахнула слезинки с ресниц. – Чем среди песка питается?

– Ларочка, дорогая моя, откуда же мне знать, чем оно питается? Я даже не успел его толком рассмотреть.

– Людьми, наверное, – снова всхлипнула женщина. – Кого поймает, тем и питается. Где твои дома с дорогами? Где машины с цивилизацией, а?! Я тебя спрашиваю!

– Скоро будет, Лара, скоро всё появится. Идем, идем дальше.

Дальше, не сговариваясь, пошли быстрым шагом, поминутно озираясь по сторонам. Теперь пустыня уже не казалась такой ровной, гладкой, предсказуемой. Вскоре непривычно голубой цвет песка начал раздражать, в глазах появилась резь, потекли слезы. Солнечные очки ничуть не помогали.

– Дороги, машины, дома, – бормотал Павел Антонович, перебрасывая ремень сумки на другое плечо, – машины, дороги, дома... Дома, машины, дороги... Где же ты, сволочная цивилизация, где?..

– Паша, давай передохнем! – простонала бредущая позади Лагутина. – Не могу больше! Ноги не идут!

– Давай еще немножко, еще чуть-чуть.

– Какой смысл, Паша?! – Она рухнула навзничь и закрыла глаза. – Пустыня кругом! Что толку, если мы пройдем еще чуть-чуть! Распакуй глобус, погляди, не поменялось ли в нем чего? Вдруг там прояснилось! К лучшему!

Усевшись рядом, он расстегнул молнию сумки, размотал спортивные штаны и взял в руки шар. Внутри по-прежнему клубился дым.

– Может, надо какое-нибудь заклинание произнести? – В голосе Ларисы зазвучали плаксивые нотки. – Что-нибудь вроде «сим-салабим ахалай-махалай», чтобы эта проклятушая штука заработала?

– Если бы я знал. – Павел Антонович потряс шар, подобрал, поймал и искренне захотел разбить его обо что-нибудь.

– В следующий раз, – Лариса приподнялась, дрожащими пальцами извлекая из кармана блузки пачку сигарет, – когда тебе приспичит покупать всякие сомнительные глобусы, не забудь потребовать инструкцию по эксплуатации!

Сдавив чудо-глобус обеими руками, Павел закричал в приступе отчаяния:

– Машины, дома, дороги где?! Где цивилизация, чертов ты апельсин?! – И с размаху отшвырнул его подальше.

– И зачем ты это сделал? – Лагутина проследила взглядом траекторию полета глобуса.

– Какой с него прок? Все равно не работает.

– Иди и принеси его! Это наша единственная надежда! Быстрее, пока он куда-нибудь не испарился! Нет, все-таки права была твоя мама, когда тебя Павлушей назвала!

– Лариса, я не хочу ругаться, я слишком устал, чтобы тратить последние силы на скандалы с тобой. Поверь, я уже десять раз успел пожалеть, что дал слабину и разоткровенничался с тобой на Мальвинии. Ты совершенно не тот человек, с которым это следовало бы делать. – Даже не думая двинуться с места, мужчина лег на спину и закрыл глаза.

Выругавшись, Лагутина сунула окурков в песок, поднялась и пошла за глобусом. Он лежал в песке метрах в четырех, шипел и светился дрожащим оранжевым светом.

– Паша! Быстро сюда! Глобус что-то исполняет!

– Что именно? – зевая, он еле поднялся и поплелся к Лагутиной.

– Не знаю! Светится со свистом! Повредился, наверное, от удара...

– Да ладно тебе повредился. Он же в песок упал, а не на асфальт. – Павел присел на корточки, разглядывая шар.

Из центра ударил тонкий луч и быстро закрутился, превращаясь в световой конус. Не зная, чего ожидать, Павел с Ларисой отскочили подальше. Тем временем конус распался на три насыщенных красных луча, и они стали медленно вращаться, словно что-то выскивали.

– Кажись, трындец нам, Паша, наступает, – угрюмо произнесла Лагутина. – Сейчас рванет, и повиснет над этой дурацкой пустыней красивый ядерный гриб.

В этот момент средний луч, видимо, нащупал нечто интересное и остановился, уткнувшись в песок по правую сторону от замерших людей, затем к нему присоединились и остальные лучи, сливаясь в одну широкую красную полосу. И в том месте, куда ударил луч, зашевелился и стал приподниматься песок.

– У-у-у-у! – сказала Лагутина и спряталась за спину Павла Антоновича.

Против всех ожиданий, на поверхность вылезло не насекомоподобное существо, а предмет, напоминающий круглый плоский экран на гибкой ножке. На экране клубился точно такой

же дым, как и в глобусе. Красный луч поднялся повыше и сосредоточился в центре экрана. Дым забурлил, сгустился и начал разлетаться клочками к краям экрана. Очистившаяся поверхность задрожала и будто налилась изнутри водой, становясь выпуклой. Внутри желтоватого пузыря размером с дверной проем возникла вожденная картина: дома, дороги, машины. Павел бросился за сумкой, а Лариса за глобусом – тот уже погас, прекратив шипеть, сделался прозрачно-желтым, а внутри просматривалась та же картина, что и на экране.

– Надеюсь, эта штука не просто показывает кино и через неё реально туда перейти. – С возбужденным видом первооткрывателя Павел Антонович набросил на плечо ремень сумки и протянул руку, желая тронуть указательным пальцем водянисто-дрожащую поверхность. – Глобус взяла?

– Да, конечно, – Лагутина крепко держала шар обеими руками. – Думаешь, туда можно просто так влезть? То есть взять и войти?

– Лара, я не очень большой специалист по пустыням Сатурна и пузырьчатым экранам непонятного назначения, уж извини.

Собравшись с духом, Павел коснулся пальцем поверхности экрана. Не встретив осязаемой преграды, палец вошел внутрь.

– Ну? И как там? – Лагутина в волнении топталась на месте.

– Пока не понятно. – Павел пошевелил пальцем – по ту сторону экрана он приобрел желтовато-оранжевый цвет.

– Так ты туда ладонь засунь! А лучше всю руку!

– Добрая ты, Лариса, – усмехнулся Павел.

– Не век же тут стоять! А вдруг окно закроется, и останемся навсегда тут в песках со скорпионами-мутантами! Суй, кому говорю!

– Знаешь что, – со зловещей вежливостью произнес Павел, осторожно вытаскивая палец, – а не сунуть ли тебе туда самой что-нибудь? Что-нибудь ненужное: руку, ногу или, к примеру, голову?

Указательный палец Павла Антоновича, побывавший по ту сторону экрана, оказался покрытым невесомой золотистой пылью. Потерев палец о палец и понюхав пыльцу, он отметил, что золотистое напыление легко облетает и запаха не имеет.

– Держи, тряпка! – Лагутина сунула ему глобус и решительно шагнула к экрану.

Сразу сунув обе руки по плечо, женщина вдохнула побольше воздуха, будто собиралась прыгать в воду, и окунула лицо в водянистый пузырь. Как ни странно, перед глазами не оказалось заявленного ранее пейзажа: ни дорог, ни машин, ни домов... Хотя нет, небольшая дорожка имела – серая тропка терялась в высокой ярчайше-изумрудной траве, чуть дальше виднелась ровная линейка то ли деревьев, то ли кустарников треугольной формы. Лагутина настороженно поводила глазами из стороны в сторону, выдохнула и с опаской понюхала местную атмосферу. Пахло почему-то снегом.

– И что тут? – возникло рядом лицо Павла Антоновича. – Опачки, а где дома с машинами?

– Обдурили! – сердито отрезала Лариса. – Заманили! Надругались!

– Да ладно тебе, никто над нами не надругался и вроде не собирается.

– Погоди, еще не вечер!

– В любом случае данная местность гораздо прогрессивнее пустыни: дорожка, травка, фигулины какие-то треугольные. Предлагаю войти целиком и осмотреться.

Он протянул ей ладонь, но Лариса сердито оттолкнула руку и шагнула вперед. Под ногами оказалась пустота. Лара вскрикнула, падая с двухметровой высоты на склон пригорка, и, не удержавшись, кубарем покатила вниз, теряя по дороге шляпу.

– Ага, – сказал сам себе Павел Антонович, провожая взглядом удаляющуюся женскую фигуру, – тут еще и высоко, оказывается... Понятно.

Сначала он бросил сумку, проследил, куда и как она упала, затем прыгнул сам, удачно приземляясь на пригорок. Обернувшись, мужчина увидал зависшую над землей вогнутую сферу, на желтовато-оранжевой поверхности которой отчетливо виднелись дома, дороги и машины... Подхватив сумку, Павел подобрал Ларисину шляпу и заторопился вниз, к женщине, с проклятиями очищавшей свою одежду от травы и грязи.

Дальше пошагали по тропинке, не разговаривая друг с другом. Лариса шла впереди и презирала Павла всей спиной и даже затылком. Но Павел Антонович не улавливал, в упор не замечал презрительных флюидов. Он спотыкался о всякие подлые кочки, шуршал сумкой по траве, думал о родине и сильно хотел пива... Так, чтобы литра полтора, холодненького... Залпом пить, захлебываясь пеной... А когда уже в горле забулькает, с улыбкой дух перевести и сигаретку сунуть благостно в губы...

– Паша! – Окрик Лагутиной выдернул из пивной нирваны, и Павел получил по лбу короткой хлесткой веткой дерева, чем-то походившего на чересчур густую пихту. – Смотри, куда прёшься! Без глаз останешься!

Он откашлялся, часто-часто моргая, в пересохшем горле отчаянно першило. Спина Ларисы быстро скрылась за растительностью, и Павлу Антоновичу пришлось ускорить шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.